

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Этносоциум

и межнациональная культура

№ 5 (215)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этносоциум (многонациональное общество)

Миссия журнала – поддержка и развитие культуры и этики научных исследований в сфере политики, политологии, социологии, экономики регионов и международного права, в том числе посредством распространения знаний в области разработки стратегий инновационного развития, а также создание профессионального форума обсуждения тенденций и политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Издание входит в Перечень ВАК, РИНЦ и НЭБ

Москва
Этносоциум 2026

СОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Рябова Л.О., Терновая Л.О.

Этнические права человека и права национальных
меньшинств: проблема делимитации понятий.....9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Михайлова Н.В., Нетёсов А.С.

Понятие, природа и сущностные признаки политического мифа.....22

Воронина Е.В., Проскурякова А.Ю.,

Третьяков В.А., Воронин В.А., Воронина Д.М.

Педагогические условия формирования социально-значимых
качеств личности младшего школьника в процессе волонтерства.....28

Попов Д.Д. Теоретические концепции

государственной миграционной политики:

институциональные предпосылки и пределы применимости.....39

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Щупленков О.В., Щупленков Н.О.

Коллективная и историческая память как основа
национально-культурной идентичности народов Северного Кавказа...46

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Бирюков Н.Г., Файзулина А.И.

Некоторые аспекты вежливой речи «кэйго» как уникального механизма регулирования отношений в японском обществе.....62

Сулейман Канте, Бокерия С.А.

Институциональная система реформирования ООН.....67

Ци Лили Культурный суверенитет и индустрия этнической культуры приграничных территорий в контексте устойчивого развития – на примере провинции Хэйлунцзян (КНР).....78

Чэнь Бин Ассоциация корейских культурных центров Узбекистана в двухсторонних отношениях Узбекистана и республики Корея: история и перспективы.....89

Мартинс Д.М. Бразилия и Россия: историческая перспектива дипломатических отношений и построение стратегического партнерства.....96

Аннотации.....104

Авторы.....119

Требования к материалам, представляемым в международное издательство «Этносоциум».....123

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Озеров В.А., кандидат юридических наук, Член Совета Федерации РФ — представитель от Законодательной думы Хабаровского края.

Зорин В.Ю., доктор политических наук, профессор, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры современного государственного и муниципального управления факультета экономики и управления Российского государственного социального университета.

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор. Главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайлова Н.В., доктор политических наук, профессор кафедры национальных и федеративных отношений. Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайленко А.Н., профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Академии

народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Стаськов Н.В., доктор политических наук, Генерал-лейтенант, военно-политический эксперт.

Летуновский П.В., доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Юдин В.И., доктор политических наук, международный эксперт.

Грибанова Г.И., доктор социологических наук, профессор, зав. каф. международных политических процессов Санкт-Петербургского государственного университета.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОСТАВ

Бирюков С.В., доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова, доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Хикмет Кораш, профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

CHIEF EDITOR

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

EDITORIAL BOARD

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Ozerov V.A., Candidate of Legal Sciences, Representative public authority of the Khabarovsk region.

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Bormotova T.M., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Modern State and Municipal Management of the Faculty of Economics and Management of the Russian State Social University.

Yudina T.N., Doctor of Sociological Sciences, Professor. Chief researcher at the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Bakharev V.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of political analysis and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, State Advisor of the 1st class.

Mikhailova N.V., Doctor of Political Science, Professor of the Department of National and Federal Relations. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Mikheylenko A.N., Professor of International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Staskov N.V., Doctor of Political Sciences, military and political expert, Lieutenant-General.

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vassilevsky.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Yudin V.I., Doctor of Political Sciences, international expert.

Gribanova G.I., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department international political processes of St. Petersburg State University.

INTERNATIONAL COMPOSITION

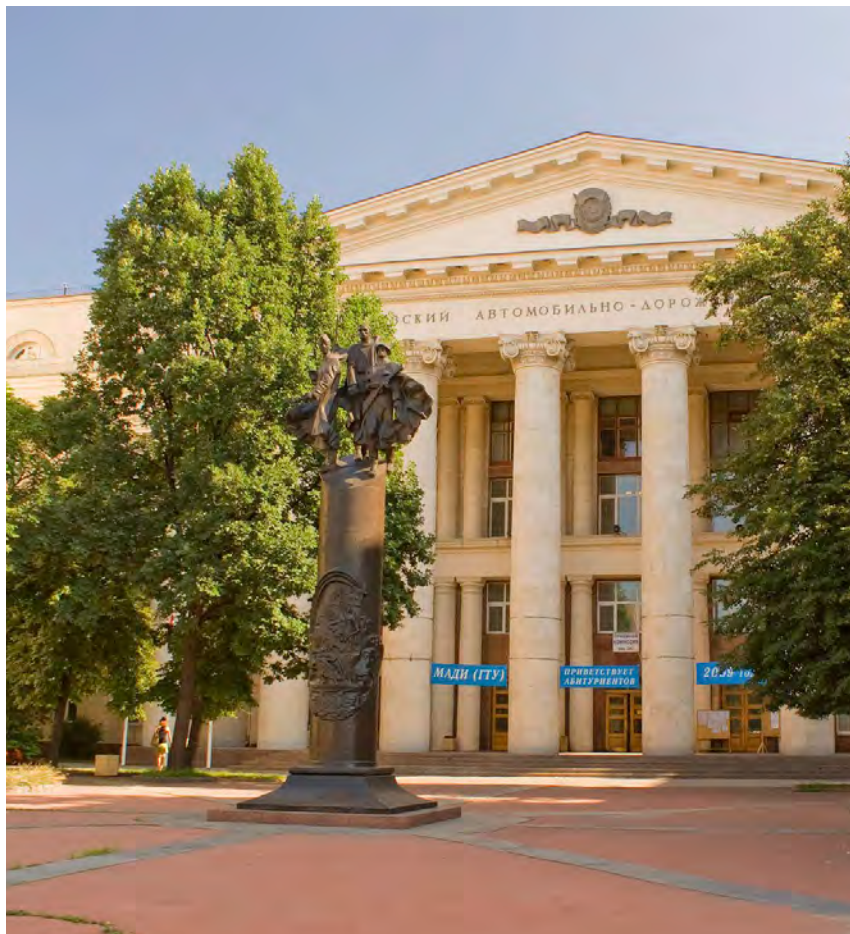
Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gulzar Ibrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Turkiye Cumhuriyeti.

Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Turkiye Cumhuriyeti.

С

ОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

*Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет*

Рябова Л.О.

*Доктор политических наук, главный редактор журнала
«Этносоциум и межнациональная культура».*

Терновая Л.О.

*Доктор исторических наук, профессор, заместитель главного
редактора журнала «Власть истории и история власти».*

Этнические права человека и права национальных меньшинств: проблема делимитации понятий

Посвящается юбилею выдающегося деятеля современности, одному из основателей издательства Этносоциум и журнала Этносоциум и межнациональная культура Профессору Абдулатипову Рамазану Гаджимурадовичу.

Идея о необходимости различения этнического и гражданского начал не является новой в философском дискурсе. В связи с формированием государств-цивилизаций актуализировался поворот этих дискуссий в сторону поиска их гармоничного единства в рамках российской традиции¹. Доктор философских наук, автор фундаментальных трудов по этнополитологии и один из ключевых разработчиков государственной национальной политики РФ Рамазан Гаджимурадович Абдулатипов — редкий случай мыслителя-практика, чьи рассуждения прямо говорят о том, что права человека и права меньшинств в России должны рассматриваться именно через эту призму. В его глубоком теоретическом наследии можно найти рассуждения, напрямую касающиеся разграничений этнических и гражданских начал «многонационального народа», обладающего такими важнейшими компонентами этического императива, как нравственность и солидарность, доминирует над формально-юридическим противопоставлением «большинства» и «меньшинства».

В своем программном произведении «Обустройство этносов и конфессий: российская модель» Абдулатипов формулирует особый путь

1 Терновая Л.О. История Российского государства-цивилизации: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2025.

России, предопределяющий особый путь развития государства². По его мнению, суть «российской модели» заключается в том, что: во-первых, наблюдается симбиоз, а не ассимиляция, когда государство не должно поглощать этносы, но и этносы не должны разрушать государство³; во-вторых, в противовес либеральному индивидуализму именно нравственность выступает как основа межнациональных отношений. В частности, в проекте «Страна нравственности: сквозь поколения» Абдулатипов особое внимание акцентировал на таких категориях, лежащих в как основе сосуществования, как «признательность» и «уважение»; в третьих, в отказе от «абстрактных прав».

В современном политической и юридической практике часто происходит смешение понятий «этнические права человека» и «права национальных меньшинств». На первый взгляд, эти категории кажутся взаимосвязанными и даже синонимичными, поскольку обе они касаются вопросов культурной идентичности. Но с точки зрения международного права, философии права и политологии между ними существует глубокая концептуальная, функциональная и нормативная разница. Смешение этих понятий ведет не столько к теоретической путанице, сколько к серьезным практическим ошибкам в правотворчестве, правоприменении и межнациональной политике, в которой наблюдается несколько дилемм.

Первая из них — выбор концептуальных оснований политики, где проявляется в разделении двух категорий — универсализма и коллективной специфики — на базе различного понимания субъекта права. Так, этнические права человека выступают составной частью универсальной системы прав человека. Их важнейшей характеристикой становится принадлежность индивиду. Эта концепция исходит из того, что каждый человек, независимо от его национальности или этнической принадлежности, обладает неотъемлемыми правами, которые могут иметь этническую окраску. К ним относятся права на: пользование родным языком (в частной жизни); определение своей этнической принадлежности (свобода идентификации); свободу от дискриминации по этническому признаку. Этнический компонент здесь выступает как модус реализации индивидуальных прав. В данной модели государство

2 Абдулатипов Р.Г. Обустройство этносов и конфессий: российская модель: монография. – М.: Славянский диалог, 1999.

3 Абдулатипов Р.Г. Мой русский народ. – М.: Классикс Стиль, 2004; Абдулатипов Р.Г. Российская нация: этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. – М.: Научная книга, 2005.

выступает гарантом равных возможностей для всех граждан, обеспечивая запрет на дискриминацию.

Права национальных меньшинств представляют собой более узкую и специфическую категорию, имеющую коллективную природу. Они предоставляются не любому гражданину, имеющему «этническую» черту, а строго определенной группе, находящейся в «уязвимом» положении по отношению к титульной нации или государствообразующему этносу. Основными отличительными чертами таких прав являются объективные критерии, выражаемые тем, что меньшинство должно отличаться от основной массы населения языком, культурой, этничностью, а также находиться в меньшинстве численно. Их коллективная субъектность направлена на сохранение группы как целого через наличие институтов, школ, автономий. Права меньшинств требуют от государства не просто воздержания от дискриминации, отражая негативную обязанность, но и активных действий. Данная позитивная обязанность проявляется в выделении квот, финансировании национально-культурных автономий, предоставлении территориальной автономии.

Вторая дилемма состоит в двойственности нормативной базы, обеспечивающей как универсальность, так и специальную защиту. Сравнительный анализ международно-правовых актов отчетливо демонстрирует разницу в таких подходах. В частности, этнические права человека закреплены в универсальных документах, адресованных всем людям, как Всеобщей декларации прав человека (1948), конвенции о ликвидации расовой дискриминации (1965). Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 27), хотя и говорит о меньшинствах, но формулирует права через призму индивида: «лицам, принадлежащим к меньшинствам, не может быть отказано в праве...»⁴. Права национальных меньшинств имеют более сложную архитектуру. Они представлены специализированными инструментами, которые учитывают политический контекст, например, в Рамочной конвенции Совета Европы (СЕ) о защите национальных меньшинств⁵ или Копенгагенском документе ОБСЕ⁶. В отличие от прав человека,

4 Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года [Электронный ресурс]. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

5 Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. Страсбург, 1 февраля 1995 года [Электронный ресурс]. // URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/220666211>.

6 Документ Копенгагенского Совещания Конференции по Человеческому Измерению СБСЕ. Принят 29 июня 1990 г. 35 государствами-участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе [Электронный ресурс]. // URL: <https://hrlibrary.umn.edu/russian/osce/basics/Rcopeng.html>.

которые рассматриваются как естественные, права меньшинств часто являются результатом политического компромисса и договоренности между государством и группой.

Третья дилемма заключается в проблеме различий в субъектности и территориальности. Одним из самых главных здесь является разграничение по критерию территориальности («укорененности») и гражданства. Этнические права человека, прежде всего, распространяются на всех лиц, находящихся под юрисдикцией государства. Мигрант, иностранец, апатрид, принадлежащий к определенному этносу, безусловно, обладает этническими правами, ибо его нельзя пытаться, дискриминировать, запрещать ему говорить на родном языке дома, однако, он не является субъектом прав национального меньшинства в классическом понимании. Статус национального меньшинства, как правило, связан с наличием гражданства и исторической связью с территорией проживания. Далее, права национальных меньшинств предполагают наличие у государства обязательств по сохранению анклава культуры. Они могут включать право на пропорциональное представительство в органах власти, право на получение образования на родном языке в государственных школах, а не только частных, и даже право на территориальную автономию. Иностранец или мигрант первого поколения этими «коллективными привилегиями» не обладает.

Важно также упомянуть дилемму практических коллизий и последствий смешения рассматриваемых понятий. Эти действия или даже их намеренная подмена в политических целях порождает ряд острых конфликтов. Один из них состоит в конфликте «титულიной» нации и меньшинств. В постсоветских государствах часто наблюдается ситуация, когда этнические права большинства — «коренного» этноса — подменяются понятием прав меньшинств для политической консолидации. С другой стороны, использование термина «права меньшинств» для групп, которые фактически составляют большинство на локальном уровне, например, русскоязычное население в странах Балтии в 1990-е гг., приводило к юридическим коллизиям, так как стандарты защиты меньшинств, например, широкие языковые права не всегда коррелируют с принципом государственного суверенитета.

Все более четко обозначаются риски миграционной политики. Так, в европейских государствах распространена ошибка приравнивания этнических диаспор мигрантов к «национальным меньшинствам». Требование диаспорами прав, характерных для исторических меньшинств, к

которым относятся языковые квоты в парламенте, территориальная автономия, создает дополнительное напряжение. Строгого, с точки зрения права, такие группы должны пользоваться именно этническими правами человека, включая недискриминацию, свободу вероисповедания и пр., в то время как полный спектр прав меньшинств исторически предназначен для групп, интегрированных в государство на протяжении длительного времени.

Еще один вариант развития обеспечен политизацией идентичности. Подмена понятий позволяет политическим элитам манипулировать правовым полем. Если этническую группу признают «национальным меньшинством», она получает более широкие коллективные права, вплоть до права на самоопределение. Если же права такой группы трактуются исключительно как «этнические права человека», государство ограничивается пассивной защитой от дискриминации, игнорируя потребности в институциональном сохранении культуры.

Главное различие между понятиями «этнические права человека» и «права национальных меньшинств» лежит в плоскости философии права, показывающей, что: первые относятся к индивидуальному праву, вытекающему из человеческого достоинства, а вторые формируют сложный механизм политико-правового компромисса, направленный на сохранение идентичности уязвимых групп в полиэтничном государстве. Для построения эффективной национальной политики государствам следует четко разделять эти категории. Политика в отношении мигрантов и интеграции должна базироваться на универсальных этнических правах человека с акцентом на недискриминацию. Политика в отношении исторически проживающих на территории национальных групп обязана строиться на принципах Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, предполагающей активное содействие государства в сохранении культурной автономии.

Игнорирование этой делимитации ведет либо к эрозии государственного суверенитета через гипертрофированное расширение коллективных прав, либо к нарушению принципа равноправия граждан, когда универсальные права человека подменяются бюрократическими механизмами, не учитывающими реальную этнокультурную специфику.

Для осмысления российской специфики различий между этническими правами человека и правами национальных меньшинств особое значение имеет то, что Россия традиционно позиционирует себя не как национальное государство (англ. *nation-state*) в классическом западноевропейском

смысле, а как государство-цивилизация. Данная концептуальная рамка, активно развиваемая в современной российской политико-философской мысли, предполагает иной, чем либеральная универалистская модель, взгляд на соотношение личности, этноса и государства.

Философская основа специфики России как государства-цивилизации коренится в ряде взаимосвязанных истоков, среди которых выделяются:

– полиэтничность как историческая данность, в которой в отличие от западноевропейских государств, формировавшихся вокруг титульной нации, Россия складывалась как многонациональное образование, где русский народ выступал государствообразующим, но не поглощающим другие этносы, что породило особую форму межэтнического симбиоза, когда сохранение культурного многообразия сочетается с жесткой централизацией политического суверенитета;

– соборность и солидарность как альтернатива либеральному индивидуализму, обозначенные в русской религиозной философии (А.С. Хомяков, В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин), не рассматривали права человека как автономные притязания изолированного индивида, а видели их укорененными в «солидарной ответственности» перед обществом, историей и культурой, что меняло оптику: этнические права человека неразрывно связывались с обязанностями по сохранению культурного наследия, а права меньшинств — с лояльностью единому государственному целому⁷;

– в контексте противопоставления философами-евразийцами универсалистскому проекту эпохи Просвещения идеи «месторазвития» — органического единства народов, проживающих на общем пространстве, этнические различия не являются основанием для противопоставления «большинства» и «меньшинства», скорее, каждый народ вносит свой вклад в общую цивилизационную идентичность, а права национальных меньшинств в такой трактовке не являются инструментом защиты от «титульной нации», а представляют собой форму соучастия в сохранении целостности⁸.

Эта сложная философская основа определяет специфику конститу-

7 Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. – Paris: YMCA-Press, 1939; Ильин И.А. Основы государственного устройства; Проект Основного Закона Российской империи / Сост., предисл. [с. 3–41] и примеч. Ю.Т. Лисицы. – М.: ТОО «Рарогъ», 1996; Соловьёв В.С. Оправдание добра / отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012; Хомяков А.С. Философские и богословские произведения. – М.: Книжный клуб Книгобек; Терра, 2013.

8 Фотиева И.В. Права человека: взгляды теоретиков евразийства. Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Девятой Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Барнаул, 21 – 22 июня 2018 г. / под ред. М.А. Широковой, А.В. Иванова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 93–96.

ционной модели России, которая демонстрирует единство многонационального народа. В российской правовой системе отсутствует понятие «национальное меньшинство» в том смысле, как оно используется в европейском праве, например, в упомянутой Рамочной конвенции СЕ, которую Россия ратифицировала, но интерпретировала с учетом своих конституционных особенностей. Вместо этого выделяются две категории: коренные малочисленные народы (их список утвержден государством) — пользуются особыми коллективными правами, включая традиционное природопользование, общинное самоуправление, компенсации за ущерб среде обитания; все этнические группы в рамках «многонационального народа» обладают равными правами на сохранение родного языка, культуры, развитие национально-культурной автономии.

Такой подход снимает классическое напряжение между правами «меньшинства» и правами «большинства», переводя дискуссию в плоскость гармонизации межэтнических отношений при сохранении целостности государства. В этом смысле права национальных меньшинств в их европейском понимании, как коллективные притязания, потенциально конфликтующие с суверенитетом, в России трансформируются в право народов России на культурное самоопределение в рамках единой государственности.

Концептуальную ясность с полным правом можно назвать условием цивилизационной устойчивости. Проблема различий между этническими правами человека и правами национальных меньшинств выходит за рамки узкой юриспруденции. Эта проблема затрагивает основы политической организации полиэтничных обществ. Для России как государства-цивилизации, сформированной на принципах единства многонационального народа, православной и традиционной культурной основы, эта проблема имеет особую остроту. Смещение понятий чревато либо размыванием государственного суверенитета, когда коллективные права меньшинств начинают трактоваться как основа для территориальных претензий, либо, напротив, унификацией, игнорирующей реальное культурное многообразие, что ведет к межэтнической напряженности.

Философская традиция России, опирающаяся на соборность, солидарность и органическое единство народов, позволяет предложить альтернативу либеральной дихотомии «индивид — меньшинство — государство». В этой альтернативе:

– этнические права человека понимаются как неотъемлемая часть до-

стоинства личности, неразрывно связанная с ответственностью перед своим народом и отечеством;

- права национальных меньшинств трансформируются в право народов России на культурное самоопределение, реализуемое в формах национально-культурной автономии, поддержки родных языков и традиционного уклада, но в рамках единой конституционной идентичности;

- главным субъектом прав и свобод выступает многонациональный народ как целое, а не конкурирующие этнические группы.

Концептуальная ясность в различении этих категорий позволяет России сохранять устойчивость перед вызовами этнополитического характера, защищать свои цивилизационные основания и выступать в качестве примера гармонизации межэтнических отношений в полиэтническом мире. Именно эта ясность, подкрепленная историческим опытом и философской рефлексией, составляет условие сохранения России как уникальной цивилизации, где права каждого человека и каждого народа реализуются не в ущерб целостности общего дома.

В своих интервью и книге «Обустройство этносов и конфессий: российская модель» Абдулатипов ставит под сомнение применимость классической западной концепции «национального меньшинства» к российским реалиям, обращая внимание на особое положение русского народа как «государствообразующего», но при этом указывает на его уязвимость в постсоветский период. По его мнению, в России, к величайшему сожалению, никогда не было полноценного гражданина с полноценными гражданскими правами, и особенно это касается русских людей... Поэтому главная проблема сегодня — восстановление социально-нравственного здоровья русского народа.

Абдулатипов выступает резко против использования этнического фактора для политического торга или сепаратизма, утверждая, что права любого этноса, будь то большинство или меньшинство, не могут реализовываться за счет разрушения общего государства. Будучи аварцем по происхождению и крупным государственным деятелем, он последовательно защищает тезис, что в России как государстве-цивилизации классическая оппозиция «титульная нация — национальное меньшинство» работает иначе: русский народ выступает не как «этническое большинство» в западном смысле, а как «скрепа», чье здоровье в широком смысле определяет благополучие всех остальных народов.

В анализе «политизации этничности» и национализма Абдулатипов является последовательным критиком как этнического национализма

меньшинств, так и великодержавного шовинизма, связывая обострение межнациональных отношений с трагедией распада СССР и проникновением «эгоизма и невежества» в сферу этнополитики⁹. В учебном пособии «Этнополитология» детально разбирается то, как этничность становится инструментом политической борьбы. Центральная идея Абдулатипова, напрямую отвечающая на вопрос о соотношении этнического и общегражданского, заключается в необходимости формирования «российской политической нации». В своих выступлениях и работах он неоднократно подчеркивал, что СССР и Россия исторически были разделены по этническому признаку, выраженному в создании национально-территориальных образований при Ленине и Сталине, что вызвало глубинный конфликт между этнической и гражданской идентичностью. Абдулатипов справедливо подчеркивает, что «создание российской политической нации неоднократно прерывалось, и главной задачей в настоящее время является собирание нашего Отечества, многообразного по самобытности, но единого по духовным ориентирам. Это приведет к созданию полноценной политической нации, сохраняя при этом самобытность народов». Такое высказывание иллюстрирует попытку преодолеть дихотомию «этнические права человека» (индивидуальная самобытность) и «права национальных меньшинств» (коллективные права этносов). Абдулатипов предлагает третий путь сохранения культурной самобытности внутри единой гражданской нации. Он не противопоставляет эти понятия, а субординирует их, утверждая примат гражданского единства над этническими различиями, но при этом отказывается от унификации.

Четкое различие этнических прав человека и прав национальных меньшинств приобретает для России не только юридическое, но и цивилизационно-стратегическое значение, позволяя решить несколько основных задач:

первая — предотвращение сепаратизма под «этническим» флагом. В 1990-е гг. в России имел место опасный прецедент, когда требования о расширении прав «национальных меньшинств» в ряде регионов использовались для пересмотра территориальной целостности. Переход от концепции «национально-государственного устройства» к «многонациональному народу» в Конституции (1993) и последующее законодательное оформление национально-культурной автономии, вместо territori-

9 Абдулатипов Р.Г. Этнополитология: [этнос и государство, этнополитика государственного устройства в России, этнополитические конфликты: причины и пути их разрешения]: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 020200 «Политология». – СПб. и др.: Питер, 2004.

альной, стало ответом на эту угрозу. Разграничение позволяет отделить защиту культурной идентичности — права человека и коллективные культурные права — от политических требований, выходящих за рамки конституционного поля;

вторая — защита прав соотечественников за рубежом как продолжение цивилизационной политики. Российская концепция прав соотечественников занимает промежуточное положение между двумя рассматриваемыми категориями. Русскоязычное население в странах ближнего зарубежья, не будучи «национальным меньшинством» в строгом смысле, тем не менее, после распада СССР оказалось в положении групп, нуждающихся в защите от дискриминации. Россия в своей внешней политике последовательно проводит линию, что такие группы имеют право на равные этнические права человека (недискриминацию, доступ к образованию на родном языке), а в отдельных случаях — и на коллективные права, вытекающие из исторического присутствия. Философски это обосновывается цивилизационной неделимостью «Русского мира», где культурная и языковая идентичность не ограничена государственными границами;

третья — сохранение баланса между традиционными ценностями и универсальными правами. Современная российская государственная политика делает акцент на традиционных ценностях как основе цивилизационной идентичности. В этом контексте этнические права человека интерпретируются не как абсолютная автономия индивида, а как возможность жить в соответствии с обычаями своего народа, передавать язык и веру потомкам. Права же национальных меньшинств, если применять их в западном ключе, могут вступать в противоречие с традиционными устоями, например, когда внешние институты навязывают понимание прав меньшинств, включающее нормы, чуждые традиционным религиозным и семейным ценностям. Россия, таким образом, стремится к выработке собственной модели, где права человека и права меньшинств субординированы задаче сохранения культурного многообразия в рамках единой цивилизационной общности.

Список литературы:

1. Абдулатипов Р.Г. Мой русский народ. – М.: Классик Стиль, 2004. 157 с.
2. Абдулатипов Р.Г. Обустройство этносов и конфессий: российская модель: монография. – М.: Славянский диалог, 1999. 30 с.
3. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология: [этнос и государство, этнополитика государственного устройства в России, этнополитические конфликты: причины и пути их разрешения]: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 020200 «Политология». – СПб. и др.: Питер, 2004. 313 с.

4. Абдулатипов Р.Г. Российская нация: этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. – М.: Научная книга, 2005. 470 с.
5. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. – Paris: YMCA-Press, 1939. 222 с.
6. Документ Копенгагенского Совещания Конференции по Человеческому Измерению СБСЕ. Принят 29 июня 1990 г. 35 государствами-участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе [Электронный ресурс]. // URL: <https://hrlibrary.umn.edu/russian/osce/basics/Rcopeng.html>.
7. Ильин И.А. Основы государственного устройства; Проект Основного Закона Российской империи / Сост., предисл. [с. 3 – 41] и примеч. Ю.Т. Лисицы. – М.: ТОО «Рарог», 1996. 160 с.
8. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года [Электронный ресурс]. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
9. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. Страсбург, 1 февраля 1995 года [Электронный ресурс]. // URL: <https://d.ocviewer.yandex.ru/view/220666211>.
10. Соловьев В.С. Оправдание добра /отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 656 с.
11. Терновоя Л.О. История Российского государства-цивилизации: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2025. 297 с.
12. Фотиева И.В. Права человека: взгляды теоретиков евразийства. Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Девятой Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Барнаул, 21 – 22 июня 2018 г. / под ред. М.А. Широковой, А.В. Иванова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 93-96.
13. Хомяков А.С. Философские и богословские произведения. – М.: Книжный клуб Книгоvek; Терра, 2013. 590 с.

Bibliography

1. Abdulatipov R.G. My Russian People. Moscow: Classics Style, 2004. 157 p.
2. Abdulatipov R.G. The Development of Ethnic Groups and Confessions: The Russian Model: A Monograph. Moscow: Slavic Dialogue, 1999. 30 p.
3. Abdulatipov R.G. Ethnopolitical Science: [Ethnicity and the State, Ethnopolitics of State Structure in Russia, Ethnopolitical Conflicts: Causes and Solutions]: A Textbook for University Students Majoring in Political Science. St. Petersburg and elsewhere: Piter, 2004. 313 p.
4. Abdulatipov R.G. The Russian Nation: Ethnonational and Civic Identity of Russians in Modern Conditions. – М.: Nauchnaya kniga, 2005. 470 p.
5. Berdyayev H.A. On Slavery and Human Freedom. – Paris: YMCA-Press, 1939. 222 p.
6. Document of the Copenhagen Meeting of the Conference on the Human Dimension of the CSCE. Adopted on June 29, 1990 by the 35 participating States of the Conference on Security and Cooperation in Europe [Electronic resource]. // URL: <https://hrlibrary.umn.edu/russian/osce/basics/Rcopeng.html>.
7. Ilyin I.A. Fundamentals of State Structure; Draft Basic Law of the Russian Empire / Comp., preface [p. 3–41] and notes. Yu.T. Lisitsy. – М.: TOO “Rarog”, 1996. 160 p.
8. International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted by General Assembly resolution 2200 A (XXI) of 16 December 1966 [Electronic resource]. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
9. Framework Convention for the Protection of National Minorities. Strasbourg, 1 February 1995 [Electronic resource]. // URL: <https://d.ocviewer.yandex.ru/view/220666211>.
10. Soloviev V.S. Justification of Good / ed. O.A. Platonov. – Moscow: Institute of Russian Civilization, Algorithm, 2012. 656 p.
11. Ternovaya L.O. History of the Russian State-Civilization: Textbook. – М.: INFRA-M, 2025. 297 p.
12. Fotieva I.V. Human Rights: Views of Eurasian Theorists. Eurasianism: Theoretical Potential and Practical Applications: Proceedings of the Ninth All-Russian (with International Participation) Scientific and Practical Conference. Barnaul, June 21–22, 2018 / edited by M.A. Shirokova, A.V. Ivanov. Barnaul: Publishing House of Altynai University, 2018. P. 93-96.
13. Khomyakov A.S. Philosophical and Theological Works. – М.: Book Club Knigovek; Terra, 2013. 590 p.

КТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Санкт-Петербургский государственный университет

Михайлова Н.В.

*Доктор политических наук, профессор.
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
кафедры публичной политики и истории государства и права.*

Нетёсов А.С.

*Аспирант.
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
кафедры публичной политики и истории государства и права.*

Понятие, природа и сущностные признаки политического мифа

В повседневном языке за словом «миф» почти неизбежно тянется шлейф недоверия: его произносят там, где хотят указать на вымысел, заблуждение или сознательный обман. Академическая традиция, однако, вкладывает в этот термин совершенно другое содержание. Для исследователя миф противостоит не истине, а несвязности: он представляет собой устойчивую форму коллективного смыслополагания, за которой стоят реальные общественные функции. Развести эти два значения – обыденное и научное – необходимо прежде, чем приступить к какому-либо анализу, иначе рассуждение с самого начала рискует соскользнуть в оценочную плоскость.

Британский политолог Генри Тюдор в ставшей классической работе «Political Myth» исходил из того, что миф по природе своей повествователен. Это рассказ – об истоках общности, о выпавших ей испытаниях, о её предназначении. Принципиально, что фактическая ложность не входит в определение мифа: его отличает не отношение к действительности, а драматургия изложения и устремлённость к действию. Сам Тюдор формулировал это так: миф есть интерпретация того, что мифотворец принимает за неоспоримый факт¹.

Из этой позиции следует важный вывод. Коль скоро миф работает с интерпретацией фактов, а не с их отрицанием, то попытка «развенчать» его фактической проверкой обречена: он принадлежит иному регистру, нежели верификация, и потому остаётся к ней нечувствителен.

1 Tudor H. Political Myth. – London: Pall Mall Press, 1972. 157 p.

Развёрнутую современную дефиницию дал Кристофер Флад в монографии «Political Myth». Он поместил политический миф в точку пересечения нарративного и идеологического начал, отметив, что определяющим для мифа является не его содержание само по себе, а вера социальной группы в его правдивость. В его формулировке миф предстаёт как идеологически окрашенное повествование, претендующее на правдивое освещение событий – прошедших, текущих либо ожидаемых².

Свою лепту в осмысление мифа внесла семиотика. В её оптике миф выступает как вторичная знаковая система – особый механизм означивания, в котором культурно и исторически произведённое подаётся как нечто очевидное, изначально данное, не требующее обоснования. Именно умение мифа маскировать рукотворное под природное превращает его в эффективный инструмент господства: то, что воспринимается как естественный ход вещей, выпадает из поля критики³.

Кьяра Боттичи в исследовании «A Philosophy of Political Myth» перенесла фокус внимания с завершённого «текста» на динамику его создания. Миф, по её убеждению, – не зафиксированный рассказ, а постоянная коллективная работа над общим повествованием, благодаря которой политический опыт обретает значимость⁴.

Ставить знак равенства между мифом и ложью неправомерно. Перед нами специфический тип коллективного нарратива, который натурализует ценности, осмысляет политические события и подталкивает общество к практическому действию. Решающее значение имеет именно функциональная, а не «истинностная» сторона мифа – она и превращает его в средство политического управления, в том числе там, где речь идёт о безопасности.

Современная трактовка политического мифа выросла из определённой интеллектуальной почвы, и обращение к ней проясняет суть понятия. Политическое измерение мифа первым отчётливо обозначил французский мыслитель Жорж Сорель. В «Размышлениях о насилии» (1908) он предложил категорию «социального мифа», подразумевая под ней не научное построение и не партийную программу, а целостный образ грядущего, обладающий мобилизующей силой. Хрестоматийным примером служил у Сореля миф о «всеобщей стачке»: его ценность определялась

2 Flood C.G. Political Myth: A Theoretical Introduction. – New York; London: Routledge, 2002. 326 p.

3 Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. – М.: Академический проект, 2008. 351 с.

4 Bottici C. A Philosophy of Political Myth. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 281 p.

не точностью прогноза, а способностью сплотить рабочих и придать их борьбе смысл⁵. Особенно значимо сорелевское замечание о неопровержимости мифа: будучи слит с убеждениями группы и выражая их на языке действия, миф функционирует не как описание реальности, а как побуждение к ней. Тем самым Сорель раньше других провёл границу между истинностным и функциональным измерениями мифа – границу, которая позднее станет аксиомой политической мифологии.

Диаметрально противоположную оценку дал немецкий философ Эрнст Кассирер. В работе «Миф государства» (1946), писавшейся под впечатлением от катастрофы тоталитаризма, он трактовал политический миф как тревожное возвращение архаических пластов мышления, прорывающихся наружу в эпохи кризисов. Согласно Кассиреру, в спокойные периоды рациональные формы сознания удерживают мифологическое начало в узде, но когда человек ощущает себя бессильным перед обстоятельствами, миф вновь подчиняет себе разум⁶. Наибольшую настороженность философа вызывало то, что он назвал «техникой» политических мифов: в XX веке миф перестал быть стихийным плодом народного духа и сделался изделием – его производят целенаправленно, по плану, подобно любому промышленному продукту или виду вооружения. Это наблюдение фиксирует существенный сдвиг – от мифа органического к мифу искусственно сконструированному, и сохраняет актуальность по сей день.

Столкновение позиций Сореля и Кассирера обнажает коренную двойственность политического мифа. В одном измерении он – необходимое условие коллективной идентичности и солидарности, без которого ни одно сообщество не способно удержать своё единство. В другом – потенциальный источник манипуляции, средство глушить критическую мысль и оправдывать насилие. Эта амбивалентность не изъят теоретической конструкции, а отражение действительной двуликости явления, и состоятельный анализ обязан держать в поле зрения обе её грани.

Теоретический каркас, на котором держится тезис о «натурализации», возвёл французский семиолог Ролан Барт. В сборнике «Мифологии» (1957) и завершающем его очерке «Миф сегодня» он представил миф как «вторичную семиологическую систему», надстроенную над естественным языком. Если в первичной системе знак рождается из сцепления означающего и означаемого, то миф берёт уже сложивший-

5 Сорель Ж. Размышления о насилии / пер. с фр. – М.: Фаланстер, 2013. 293 с.

6 Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1990. № 2. С. 58-69.

ся знак и делает его собственным означающим, нагружая новым, идеологически насыщенным смыслом⁷. Ключевую работу мифа Барт видел в натурализации – в перекодировании культурного, исторического, а значит изменчивого, в нечто природное, неподвижное и неоспоримое. Миф, по его меткому выражению, «обращает историю в природу»: социально обусловленные отношения власти он выдаёт за самоочевидный порядок мироздания. В этом и кроется политическая эффективность мифа – он не воспрещает думать, а придаёт отдельным положениям статус настолько «очевидных», что они перестают быть предметом вопрошания.

В отечественной мысли наиболее глубокое философское осмысление мифологического сознания принадлежит А.Ф. Лосеву. Его «Диалектика мифа» (1930) категорически порывает с расхожим уравниванием мифа и вымысла. Для носителя мифологического сознания, настаивал Лосев, миф есть «наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряжённая реальность»⁸. Иными словами, миф – не фикция, а предельно осязаемая жизненная данность, переживаемая изнутри как несомненная. Отсюда вытекает важное следствие: «изнутри» миф никогда не опознаётся как миф – он проживается как сама реальность. Это объясняет и поразительную живучесть политических мифов, и их непробиваемость для рациональных аргументов: разделяющий миф не видит в нём конструкции, для него это просто то, что есть.

Природа мифа раскрывается через его устройство и способ означивания, но его политическая сущность яснее всего проступает в выполняемых им функциях. Их удобно свести к нескольким ключевым.

Интеграция и идентификация. Миф отвечает на исходные вопросы любого сообщества – кто мы, откуда взялись, к чему движемся – и тем самым прочерчивает границу между «мы» и «они». Сюжеты об общем корне, о золотом веке, о первоподвиге предков формируют ощущение причастности и непрерывности рода.

Легитимация. Миф наделяет действующий порядок власти оправданием, представляя его закономерным, справедливым и безальтернативным. Через миф режим возводит свои притязания к высшей инстанции – народной воле, исторической миссии, заветам предков, принесённой жертве.

⁷ Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. – М.: Прогресс, 1989. С. 72-130.

⁸ Диалектика мифа: дополнение к «Диалектике мифа» / А.Ф. Лосев. – Москва: Изд. Мысль, 2001. 559 с. (Философское наследие. Т. 130). ISBN 5-244-00969-9

Мобилизация и ориентация. Как показал ещё Сорель, образ желанного будущего или общего противника побуждает массы к действию вернее любого расчёта. Миф упрощает запутанную политическую реальность, переводя её в доступные оппозиции: добро и зло, свои и чужие, друг и враг.

Компенсаторно-психологическая функция. Американский политолог Мюррей Эдельман в книге «*The Symbolic Uses of Politics*» (1964) доказал, что для массовой аудитории политика во многом существует как символический спектакль, унимающий тревогу и дарующий ощущение сопричастности и защищённости⁹. Миф предлагает простые ответы на пугающую неопределённость, возвращает человеку чувство контроля над враждебным миром и тем понижает градус коллективного беспокойства.

Перечисленные функции не разделены перегородками, а сплетены воедино: один и тот же миф обыкновенно одновременно цементирует общество, узаконивает власть, поднимает людей на действие и умиряет страх. Именно их связка делает миф незаменимым в арсенале политического управления.

Сводя воедино рассмотренные подходы, можно выделить набор существенных признаков, которые в совокупности и составляют специфику политического мифа, отграничивая его от феноменов – идеологии, пропаганды, утопии.

Нарративность. Миф неизменно облечён в форму рассказа – с сюжетом, персонажами, завязкой и развязкой. Он повествует, а не декларирует абстрактный принцип, и именно драматургическая, сюжетная природа отличает его от идеологической доктрины.

Идеологическая маркированность. Миф не бывает нейтральным: он укоренён в системе ценностей и интересов конкретной группы и работает на её притязания – на удержание власти либо на сопротивление ей.

Претензия на достоверность и вера группы. Конституирующим признаком мифа служит не его соответствие фактам, а уверенность сообщества в его правдивости. Миф жив, пока в него верят; лишённый коллективной веры, он вырождается в простой текст.

Натурализация сконструированного. Миф преподносит историческое и рукотворное как природное, извечное и не подлежащее обсуждению, выводя тем самым ряд утверждений за пределы возможной критики.

9 Edelman M. *The Symbolic Uses of Politics*. – Urbana: University of Illinois Press, 1964. 201 p.

Практическая нацеленность на действие. Миф существует не для созерцания, а для мобилизации: он обращён к поступку, к поведению, к сплочению и противоборству.

Процессуальность. Миф не есть навсегда застывший текст; это непрерывная коллективная работа над общим повествованием, которое переписывается и перетолковывается вслед за изменением политического опыта. Совокупность этих черт и позволяет рассматривать политический миф как самостоятельное явление, не сводимое ни к лжи, ни к идеологии, ни к художественной фантазии. Описанные свойства мифа обретают особый вес применительно к проблематике безопасности. Само понятие угрозы по природе своей мифогенно: оно вызывает к страху, к разделению на «своих» и «чужих», к фигуре врага и к идее защиты сообщества – то есть оперирует ровно теми категориями, в которых разворачивается мифологическое сознание. Сфера безопасности неотделима от образов опасности, которые в принципе не поддаются полной верификации и потому подчиняются логике мифа: они подталкивают к действию и оправдывают чрезвычайные меры безотносительно к фактической точности.

Эту закономерность отчасти схватывает теория секьюритизации Копенгагенской школы (Б. Бузан, О. Вæвер): угроза, согласно ей, не столько обнаруживается, сколько порождается речевым актом, который объявляет некий объект экзистенциально опасным и тем санкционирует отступление от обычных правил¹⁰. Между процедурой секьюритизации и механикой мифотворчества обнаруживается прямое сходство: в обоих случаях социальная реальность не описывается, а конструируется в повествовании, придающем ей угрожающий смысл и предписывающем определённую модель реагирования. Поэтому анализ мифа оказывается необходимым ключом к пониманию того, как складывается, поддерживается и инструментализируется представление о безопасности и угрозах в современной политике.

Список литературы:

1. Tudor H. Political Myth. – London: Pall Mall Press, 1972. 157 p.
2. Flood C.G. Political Myth: A Theoretical Introduction. – New York; London: Routledge, 2002. 326 p.
3. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. – М.: Академический проект, 2008. 351 с.
4. Bottici C. A Philosophy of Political Myth. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 281 p.
5. Сорель Ж. Размышления о насилии / пер. с фр. – М.: Фаланстер, 2013. 293 с.
6. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1990. № 2. С. 58–69.

¹⁰ Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. – Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.

7. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. – М.: Прогресс, 1989. С. 72-130.
8. Диалектика мифа: дополнение к «Диалектике мифа» / А.Ф. Лосев. – Москва: Изд. Мысль, 2001. 559 с.
9. Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. – Urbana: University of Illinois Press, 1964. 201 p.
10. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. – Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
11. Никитина Ю.С. Психологические аспекты эффективного обучения в системе высшего образования // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 89-92.

Bibliography

1. Tudor H. Political Myth. – London: Pall Mall Press, 1972. 157 p.
2. Flood C.G. Political Myth: A Theoretical Introduction. – New York; London: Routledge, 2002. 326 p.
3. Barthes R. Mythologies / translated from French, with introduction and commentary by S.N. Zenkina. – Moscow: Academicheskyy Proekt, 2008. 351 p.
4. Bottici C. A Philosophy of Political Myth. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 281 p.
5. Sorel J. Reflections on Violence / translated from French. – Moscow: Falanster, 2013. 293 p.
6. Cassirer E. The Technique of Modern Political Myths // Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy. 1990. № 2. P. 58-69.
7. Barth R. Myth Today // Barth R. Selected Works: Semiotics. Poetics / trans. from French. – Moscow: Progress, 1989. P. 72-130.
8. The Dialectics of Myth: Supplement to “The Dialectics of Myth” / A.F. Losev. – Moscow: Mysl’ Publishing House, 2001. 559 p.
9. Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. – Urbana: University of Illinois Press, 1964. 201 p.
10. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. – Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
11. Nikitina Y.S. Psychological aspects of effective learning in higher education // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 89-92.

Воронина Е.В.

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии детства. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Проскурякова А.Ю.

Обучающаяся 5 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Третьяков В.А.

Обучающийся 1 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Воронин В.А.

Обучающийся 3 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Воронина Д.М.

Обучающаяся 4 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

**Педагогические условия формирования
социально-значимых качеств личности
младшего школьника в процессе волонтерства**

Сегодня в сфере педагогических исследований вопрос формирования социально-значимых качеств и становления личностных характеристик, имеющих ценность для общества, остается одним из приоритетных. Их развитие приобретает не только индивидуальный, но и общественный вес, непосредственно определяя эффективность воспитательного процесса и выступая фундаментом для успешной адаптации и полноценной жизни в социуме. Как отмечает И.Е. Ким, понятие «социально-значимые качества личности» охватывает умение включаться в социальное взаимодействие и устойчивые модели поведения в общественной среде [3, с. 8]. Важными социально-значимыми качествами личности являются: социальная активность, направленность на самореализацию в деятельности,

ответственность, самостоятельность, инициативность. Наиболее благоприятным этапом для их формирования выступает младший школьный возраст. Именно в этот период интенсивно формируется личность учащегося: накапливается нравственный опыт, интериоризируются социальные ценности, совершенствуется эмоционально-волевая регуляция и происходит осознанная коррекция поведенческих реакций.

Формирование социально-значимых качеств личности младшего школьника - многокомпонентный процесс, зависящий от возрастных особенностей, ведущей деятельности, общения и воспитания. Можно выделить следующие особенности формирования социально-значимых качеств личности младшего школьника: целенаправленное воздействие на ребенка, длительность воздействия и индивидуальный подход.

В научно-педагогическом дискурсе категория «условия» выступает как качественная характеристика базовых факторов, динамик и феноменов образовательной среды, задающих ключевые требования к функционированию общеобразовательной организации [2, с. 54]. Различные исследователи раскрывают сущность данного понятия через призму его функционального назначения. Так, Н.Л. Коршунова акцентирует внимание на объективных возможностях и специально организованных обстоятельствах образовательного процесса, которые формируются целевым образом и служат гарантией успешного решения педагогических задач [4, с. 6-9]. Схожий вектор прослеживается в позициях А.П. Панфиловой и И.С. Мухрова: первый автор указывает на условия как на систему целенаправленных мероприятий, ориентированных на оптимизацию эффективности обучения [12], тогда как второй рассматривает их в качестве совокупности действий, непосредственно влияющих на повышение результативности педагогической деятельности [5]. Обобщая приведенные подходы, можно заключить, что условия в образовании представляют собой не пассивный фон, а целенаправленно спроектированный комплекс организационных, содержательных, методических и психологических факторов, создающих оптимальную среду для осуществления учебно-воспитательного процесса. Это система определенных мер, приемов и воздействий, способствующих достижению поставленных педагогических целей и решению конкретных задач.

В качестве первого условия формирования социально-значимых качеств личности младшего школьника в процессе волонтерства мы выделили следующее - реализация волонтерской деятельности младших школьников на основе авторской программы «Время действовать: Пер-

вые шаги». Сегодня крайне значимой становится организация систематической воспитательной работы с молодежью. Волонтерская деятельность - современное и эффективное ее направление - охватывает все возрасты, реализуя принцип «добровольчество через всю жизнь».

Изучение нормативно-правовой базы свидетельствует о формировании разветвленной системы законодательных актов, стратегических программ и ведомственных проектов, задающих правовые рамки для организации и развития добровольческого движения. Базовым регулятором выступает Федеральный закон (далее - ФЗ) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [6], который закрепляет социальную значимость данного направления и устанавливает фундаментальные механизмы его правового регулирования. В свою очередь, ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [9] позиционирует поддержку волонтерских инициатив в качестве одного из ключевых векторов государственной работы с молодежью. Приоритетный статус добровольчества, наделенного четкими целевыми ориентирами и ценностным содержанием, отражен в Концепции содействия развитию добровольческой (волонтерской) деятельности в РФ до 2030 г. [8]. На практике эти положения конкретизируются Стандартом поддержки добровольчества (волонтерства) в регионах Российской Федерации [13], где детализирован комплекс организационно-ресурсных гарантий и зафиксирован правовой статус самих участников движения.

В современном образовательном пространстве ключевую роль в вовлечении обучающихся в добровольческие практики и формировании соответствующих ценностных ориентаций играют масштабные государственные инициативы, среди которых особое место занимают Общероссийское общественно-государственное движение детей и молодежи «Движение первых» (РДДМ) и цикл внеурочных мероприятий «Разговоры о важном».

Российское движение школьников - общероссийское объединение обучающихся разных возрастных групп (8-18 лет), выстраивающее воспитательную работу по нескольким стратегическим направлениям: военно-патриотическому, личностного развития, гражданской активности и информационно-медийному. В рамках этих треков школьники систематически вовлекаются в практики, подпадающие под нормативное определение «добровольной социально направленной и общественно полезной деятельности» [11], что по своей сути является волонтерством. Арсенал форм участия включает организацию тематических акций, уча-

стие в патриотических квестах, разработку социальных проектов, анализ ситуационных задач и конкурсные мероприятия. Важной методологической особенностью выступает возрастная дифференциация: для каждой категории обучающихся подбираются активности, релевантные их психофизиологическим характеристикам и индивидуальным интересам. Это положение коррелирует с одной из особенностей становления социально-значимых качеств личности младшего школьника - индивидуальный подход. Движение, направленное на вовлечение школьников в возрасте от 8 до 18 лет, подчеркивает заинтересованность государства и общества в преемственности между школой и другими ступенями образования.

С 2022 г. российские школы ввели цикл внеурочных занятий «Разговоры о важном», направленных на «формирование у учеников ценностных установок, в числе которых – созидание, патриотизм и стремление к межнациональному единству» [7]. Помимо формирования гражданского сознания, проект способствует привлечению детей к участию в волонтерских инициативах. Задания творческого характера, предлагаемые ученикам для самостоятельного выполнения дома, предполагают обсуждение семейных традиций, просмотр фильмов, организацию совместного чтения книг и помощь старшим членам семьи. «День добровольца» включен в структуру курса, хотя в зависимости от класса он тематически и содержательно отличается. Младшие классы знакомятся с понятиями «волонтерство», «доброволец», «волонтер», «милосердие», «гуманность», примерами о социальном служении волонтеров в военное и мирное время, осмысливают качества личности волонтеров. Старшеклассники переходят к практическому аспекту добровольчества, рассматривая возможности личного вклада в общественные дела. У ребенка появляется личная ответственность в деле помощи другим людям. Таким образом, основная задача курса - создание условий для осознанного восприятия детьми идей социальной ответственности и активного участия в благотворительных акциях.

В системе воспитательной работы отдельным содержательным этапом выделяется День детских общественных организаций. Образовательный процесс выстраивается по принципу возрастной преемственности: обучающиеся начальной ступени формируют первичные представления о сущности детских объединений, тогда как в среднем и старшем звене происходит системное углубление знаний. В частности, школьники обращаются к историческому опыту пионерского движения, что постепенно способствует осознанию ими значимости социаль-

но активной гражданской позиции, которая формируется в ходе участия в подобных структурах [7].

В современной образовательной политике широко декларируется принцип непрерывности, предполагающий сквозную интеграцию воспитательных практик на всех уровнях обучения: начальная школа – средняя школа – ССУЗ – ВУЗ. Однако в научном дискурсе и методической практике сохраняется выраженный дефицит исследований, посвященных адаптации добровольческих практик для учащихся начальных классов. Данное упущение представляется методологически значимым, поскольку именно младшее школьное звено выступает фундаментом для становления будущей волонтерской культуры, закладывая ценностно-мотивационные основы и открывая перспективу устойчивой социальной самореализации личности.

Проведенный нами анализ существующей научной литературы выявил следующую картину распределения исследований по образовательным ступеням. Исследования, касающиеся развития волонтерства в вузе, составляют 58%, причем за последние пять лет общий объем работ заметно вырос, что свидетельствует о повышении интереса к изучению вопросов волонтерства в высшем образовании. Среднее профессиональное образование охватывает 25% исследований. Школьное образование занимает скромную долю - 17% проведенных исследований. Что касается учебно-методических изданий, предназначенных для поддержки организации волонтерской деятельности, то мы получили следующее. Доминирующее положение в рассматриваемой сфере занимает высшая школа, где соответствующий индикатор достигает 67%. Начиная с 2014 г. в академическом сообществе отмечается устойчивая тенденция к изданию учебно-методических пособий и практических руководств для обучающихся вузов. Знаковым этапом стало появление в 2022 г. комплексного учебника, систематизирующего теоретико-методологические основы и прикладные аспекты координации добровольческих инициатив, а также регламенты взаимодействия с некоммерческими организациями [10]. Вместе с тем полученные данные актуализируют задачу существенного расширения научно-методической работы, направленной на разработку педагогических технологий и соответствующего учебного обеспечения, адаптированного для учащихся предшествующих образовательных ступеней.

На второй позиции (33%) располагаются научные исследования и методические ресурсы, охватывающие сферу среднего профессионально-

го обучения, а также основное и среднее общее образование. Наиболее интенсивный период разработки данных материалов совпал с 2018 г., официально провозглашенным в Российской Федерации Годом добровольца. В сегменте общеобразовательной школы показательным примером выступает учебно-методический комплекс «Школа волонтера», изданный в 2021 г. и адресованный учащимся 5-9 классов. Структура данного пособия включает рабочие программы, календарно-тематическое планирование, практические рекомендации по интеграции современных педагогических технологий, а также материалы по психолого-педагогическому сопровождению несовершеннолетних участников добровольческого движения [1].

Относительно учебно-методических материалов по развитию волонтерства в начальной школе отмечаем следующее: имеются лишь единичные методические разработки отдельных педагогов, специализированных учебников и полноценных учебных пособий нет. Следовательно, интерес исследователей к волонтерскому движению в школе возникает преимущественно на уровне средних и старших классов, оставляя ранний этап без внимания, хотя именно в младших классах формируется фундамент нравственного поведения ребенка, усваиваются ключевые моральные качества, такие как: ответственность, доброта, взаимопомощь и уважение друг к другу. Для обучающихся начальных классов характерна повышенная восприимчивость к интериоризации нравственных установок. Познавательная деятельность в данный период неразрывно связана с эмоциональной сферой, что обуславливает преимущественно чувственный характер осмысления окружающей действительности. Важной психолого-педагогической особенностью выступает также выраженная ориентация на авторитет старших, проявляющаяся в стремлении детей к идентификации с моделями поведения значимых взрослых.

Именно в этот возрастной период и закладывается мотивационная база для последующего участия в волонтерском движении, одновременно формируя базовые представления о нем. Особенности детской психики позволяют эффективно развивать способности к сопереживанию, осваивать новые способы взаимодействия с окружающим миром и формировать первоначальные установки на полезную общественную деятельность: ребенок «должен опытно понять, что состояние окружающей среды зависит от его усилий» [14, с. 305–309.]. Педагог обязан способствовать включению младшего школьника в такую деятельность, помогая ему осознать важность собственных усилий для улучшения ситуации

вокруг. Учителя начальных классов играют важную роль в процессе внедрения волонтерства, так как они руководят образовательным процессом и оказывают значительное влияние на восприятие ребенком своей роли в обществе.

Существует ряд проблем, ограничивающих успешную организацию волонтерской деятельности в начальной школе: учителя испытывают дефицит информации о видах волонтерской деятельности и возможных формах их воплощения с участием младших школьников; наблюдается недостаточное личное желание педагогов заниматься вопросами волонтерства, что отражается на мотивации учеников; отсутствуют специальные методические материалы, адаптированные к особенностям младших школьников. Однако направление волонтерства обладает большим потенциалом в развитии младших школьников и, при грамотной организации, способно стать основой успешного опыта добровольческого труда в последующие годы учебы.

На основании вышеизложенного нами была разработана программа волонтерской деятельности младших школьников «Время действовать: Первые шаги». Программа рассчитана на постоянное участие и включает разнообразные мероприятия, позволяющие сформировать социально значимые качества младших школьников. Ключевыми направлениями программы выступают: Экологическая инициатива, Помощь пожилым людям, Забота о братьях наших меньших, Творческое волонтерство, Патриотическое просвещение, Акции заботы и внимания.

Таблица 1. Учебный план.

№	Наименование раздела	Очно (час)	Теория / Практика	Заочно (час)	Форма контроля
1	Мы – команда!	2	0/2	1	Наблюдение, игра
2	Знакомство с Движением	2	0,5/1,5	1	Рисунок-визитка
3	Я говорю – меня слушают	2	0,5/1,5	2	Мини-выступление
4	Маленькие лидеры	2	0,5/1,5	1	Ролевая задача
5	Мои первые добрые дела	2	0,5/1,5	2	Мини-акция / отчет
6	Традиции нашего края	2	0,5/1,5	2	Семейный альбом / поделка
	Итоговая аттестация	2	–	3	Игра «Я в Движении», защита портфолио
	ИТОГО	14	2,5/11,5	12	Зачет (игровой)

В таблице 1 представлен учебный план программы волонтерской деятельности младших школьников «Время действовать: Первые шаги».

Содержание разделов следующее:

- Мы - команда! Правила игры в группе, распределение ролей (ведущий, помощник, хранитель времени, мастер порядка), игры на сплочение, упражнение «Спина к спине», рефлексия «Светофор».

- Знакомство с Движением. Символы, цвета, миссия «Первых» в детских образах, карта направлений (экология, культура, спорт, наука, помощь), создание «Моего значка Первого».

- Я говорю - меня слушают. Как встать? Как дышать? Как смотреть на слушателей? Структура рассказа «Что? Зачем? Как?», тренинг «Сказка на 1 минуту», запись короткого видео для семьи.

- Маленькие лидеры. Что значит «вести за собой»? Виды помощи в группе, упражнение «Мостик из дощечек» (кооперация), игра «Спасатели», обсуждение ошибок без страха.

- Мои первые добрые дела. Что такое доброе дело? Как выбрать простое действие? (Помощь библиотеке, кормушка, сбор макулатуры, открытка ветерану), алгоритм: идея → план → действие → фотоотчет.

- Традиции нашего края. Народные праздники региона, герб и символы, ремесла, семейные традиции, создание «Альбома первых страниц» (рисунки, фото, записи родителей).

Вторым педагогическим условием выступает вовлечение младших школьников в совместную социально-значимую деятельность с учащимися старших классов. Совместная деятельность обучающихся разных возрастных ступеней служит эффективным катализатором становления социально-значимых качеств, способствует гармонизации межвозрастных коммуникаций и стимулирует позитивную динамику развития всех субъектов образовательного процесса. Для старшеклассников функция наставничества становится площадкой для трансляции накопленного социального опыта, что обеспечивает не только рефлексивное закрепление собственных компетенций, но и активное развитие лидерских установок и чувства персональной ответственности. Младшие учащиеся, в свою очередь, получают возможность осваивать новые знания в адаптированной, эмоционально вовлекающей форме, находясь в ситуации поддерживающего взаимодействия с референтной группой старших товарищей. Организационный спектр такого сотрудничества варьируется от персонализированного кураторства до реализации совместных социальных проектов и ролевых практик. Ключевым педагогическим приоритетом

при этом остается конструирование субъект-субъектного диалога, основанного на доверии и признании индивидуальной ценности каждого участника. Грамотная институционализация данной модели порождает развивающую образовательную экосистему, обеспечивающую раскрытие личностного потенциала обучающихся.

Совместная деятельность основывается на следующих принципах: доверия и уважения (младшие школьники видят в старшеклассниках наставников, последние осознают ответственность за малышей, заботясь о них и поддерживая их начинания); активного сотрудничества (совместные занятия предполагают равноправное участие обеих возрастных групп, что и создает обстановку взаимоподдержки и взаимопомощи); социального эффекта (любая деятельность должна приносить социальный эффект, будь то уборка двора, помощь соседям, благоустройство парка или изготовление подарков ветеранам); регулярности (регулярные встречи укрепляют дружеские отношения и положительно воздействуют на личность младшего школьника).

К формам совместного участия отнесем следующие: эколого-просветительские акции (посадка деревьев, очистка территории, сбор макулатуры и т.д.; во время акций старшеклассники делятся экологическими знаниями, прививая бережное отношение к природе у младших школьников); благотворительная деятельность (организация праздников и концертов для ветеранов, изготовление сувениров и открыток, сбор вещей и игрушек для детских домов и т.д.); проектная деятельность (совместные проекты: стенгазета о здоровом образе жизни, кулинарный мастер-класс, краеведческий альманах, театрализованная постановка и т.д.); помощь младшим (организация игровых зон, чтение книг вслух, помощь в освоении навыков, решение заданий вместе и т.д.); спортивные мероприятия (организация и участие в спортивных праздниках, конкурсах эстафет, шахматных турнирах, походах и т.д.); фестивальная деятельность (организация и участие в концертах, выставках, постановках, викторинах, конкурсах талантов и т.д.); формирующее общение (походы в музеи, театры, экскурсии, обсуждения литературы, просмотры фильмов и т.д.); шефская помощь (помощь в учебе, освоении сложных тем, решении задач, с домашними заданиями и т.д.).

Как и любая деятельность, это взаимодействие имеет свои этапы организации: подготовка (выбор деятельности, определение задач, подбор добровольцев, распределение обязанностей, согласование графика встреч и т.д.); проведение (реализация проекта, выполнение намеченных

работ, коррекция плана и т.д.); подведение итогов (анализ результатов, обсуждение успехов и трудностей, награждение участников и т.д.); оценка эффективности (оценка степени достижения целей, удовлетворение потребностей младших школьников, удовлетворенность старшими успехами и т.д.).

Совместная деятельность укрепляет взаимоотношения между поколениями, способствует передаче жизненного опыта и полезных навыков, повышает социальную активность и инициативность, воспитывает заботливое отношение к окружающим, развивает творческий потенциал и умения работать в команде, формирует активную жизненную позицию. Эта практика влияет на качество воспитательного процесса, создавая благоприятные условия для гармоничного развития личности и интеграции детей в социум.

Мы выделили следующие педагогические условия формирования социально-значимых качеств личности младшего школьника в процессе волонтерства: реализация волонтерской деятельности младших школьников на основе авторской программы «Время действовать: Первые шаги»; вовлечение младших школьников в совместную социально-значимую деятельность с учащимися старших классов.

Список литературы:

1. Арсеньева Т.Н., Коршунов А.В., Соколов А.А. Школа волонтера. Рабочие программы. 5–9 классы: учебное пособие для общеобразовательных организаций. – Москва: Просвещение, 2021. 80 с.
2. Беспалько В.П., Татур Ю.Г. Системно-методическое обеспечение учебно-воспитательного процесса подготовки специалиста. – Москва: Высшая школа, 1989. 141 с.
3. Долинина Л.С., Бороненкова Л.С. Современные подходы к определению понятия социальная компетентность // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3 (59).
4. Коршунова Н.Л. Единство и различие значений терминов «условие» и «средство» в педагогике // Новые исследования в педагогической науке. 1991. № 1. С. 6–9.
5. Мухров И.С. Условия формирования профессиональной компетентности молодых квалифицированных рабочих в системе начального профессионального образования // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6195> (Дата обращения: 18.12.2025).
6. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): Федеральный закон № 135-ФЗ от 11 августа 1995 г.: по состоянию на 07.02.2026. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (Дата обращения: 07.02.2026).
7. Об организации занятий «Разговоры о важном»: письмо Минпросвещения России № 03-871 от 17 июня 2022 г.: по состоянию на 07.02.2026. // URL: https://shkolapristenskaya-r31.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/vospitanie/MP_03_871_ot_17_06.2022.pdf (Дата обращения: 07.02.2026).
8. Об утверждении Концепции содействия развитию добровольческой (волонтерской) деятельности в РФ до 2030 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 4064-р от 25 декабря 2025 г.: по состоянию на 07.02.2026. // URL: <https://base.garant.ru/413370502/> (Дата обращения: 07.02.2026).
9. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон № 489-ФЗ от 30 декабря 2020 г.: по состоянию на 07.02.2026. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (Дата обращения: 07.02.2026).
10. Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействие с социально ориентированными НКО / А.П. Метелев, Ю.С. Белановский, Н.И. Горлова [и др.]; отв. ред. И.В. Мерсиянова. – Москва, 2022. 456 с.

11. О российском движении детей и молодежи: Федеральный закон № 261-ФЗ от 14 июля 2022г.: по состоянию на 07.02.2026. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421798/ (Дата обращения: 07.02.2026).
12. Панфилова А.П. Инновационные педагогические технологии: Активное обучение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – Москва: Издательский центр «Академия», 2009. 192 с.
13. Стандарт поддержки добровольчества (волонтерства) в регионах Российской Федерации. // URL: <https://edu.dobro.ru/upload/uf/a8d/a8d071b93a685ddf4313e8feadfda3b3.pdf> (Дата обращения: 07.02.2026).
14. Эберт Э.Э., Кузьминчук А.А. Нормативно-правовое регулирование детско-юношеского волонтерства в России // Материалы III Международной научно-практической конференции, 21–22 апр. 2017 г. – Екатеринбург, 2017. С. 305–309.
15. Чиркова Е.А. Проблема ценностей в современных социальных теориях // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 121–125.

Bibliography

1. Arsenyeva T.N., Korshunov A.V., Sokolov A.A. Volunteer School. Work Programs. Grades 5–9: A Textbook for General Education Organizations. Moscow: Prosveshchenie, 2021. 80 p.
2. Bepalko V.P., Tatur Yu.G. Systematic and Methodological Support for the Educational Process of Specialist Training. Moscow: Vysshaya Shkola, 1989. 141 p.
3. Dolina L.S., Boronenkova L.S. Modern Approaches to Defining the Concept of Social Competence // Modern Problems of Science and Education. 2015. № 3 (59).
4. Korshunova N.L. Unity and Difference in the Meanings of the Terms “Condition” and “Means” in Pedagogy // New Research in Pedagogical Science. 1991. № 1. P. 6–9.
5. Mukhrov I.S. Conditions for the Formation of Professional Competence of Young Skilled Workers in the System of Initial Vocational Education // Modern Problems of Science and Education. 2012. № 3. // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6195> (12.18.2025).
6. On Charitable Activities and Volunteering: Federal Law No. 135-FZ of August 11, 1995: as of 02/07/2026. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (02.07.2026).
7. On the organization of “Conversations about the Important” classes: letter of the Russian Ministry of Education No. 03-871 dated June 17, 2022: as of February 7, 2026. // URL: https://shkolapristenskaya-r31.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/vospitanie/MP_03_871_ot_17_06.2022.pdf (February 7, 2026).
8. On approval of the Concept for promoting the development of volunteer activities in the Russian Federation until 2030: Order of the Government of the Russian Federation No. 4064-r dated December 25, 2025: as of February 7, 2026. // URL: <https://base.garant.ru/413370502/> (07.02.2026).
9. On youth policy in the Russian Federation: Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020: as of 07.02.2026. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (07.02.2026).
10. Organization of volunteer activities and interaction with socially oriented NGOs / A.P. Metelev, Yu.S. Belanovsky, N.I. Gorlova [et al.]; ed. I.V. Mersyanova. – Moscow, 2022. 456 p.
11. On the Russian Children’s and Youth Movement: Federal Law No. 261-FZ of July 14, 2022: as of February 7, 2026. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421798/ (February 7, 2026).
12. Panfilova A.P. Innovative Pedagogical Technologies: Active Learning: a teaching aid for students of higher educational institutions. - Moscow: Publishing Center “Academy”, 2009. 192 p.
13. Standard for Supporting Volunteering (Volunteering) in the Regions of the Russian Federation. // URL: <https://edu.dobro.ru/upload/uf/a8d/a8d071b93a685ddf4313e8feadfda3b3.pdf> (07.02.2026).
14. Ebert E.E., Kuzminchuk A.A. Normative and legal regulation of children’s and youth volunteering in Russia // Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, April 21–22, 2017 – Ekaterinburg, 2017. P. 305–309.
15. Chirkova E.A. The problem of values in modern social theories // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 121–125.

Попов Д.Д.

Аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Теоретические концепции государственной миграционной политики: институциональные предпосылки и пределы применимости

Введение

Субдисциплина, занимающаяся изучением государственной миграционной политики, сложилась в 1980-1990-х годах преимущественно на западноевропейском и североамериканском материале. Этот исторический факт имеет принципиальные теоретические последствия: концепции, объясняющие, почему государства принимают те или иные миграционные решения, строились применительно к конкретному типу политических систем. Поскольку исследователи в большинстве случаев работали внутри того же институционального пространства, что и их объект, многие ключевые допущения оставались имплицитными. Их нерелевантность проявляется лишь тогда, когда концепции переносятся на незападный материал – и предсказания перестают подтверждаться.

Задача настоящей статьи состоит не в том, чтобы опровергнуть рассматриваемые концепции, а в том, чтобы эксплицировать их институциональные предпосылки. Знание о том, при каких условиях та или иная теория работает, является необходимым условием её методологически корректного применения. На этой основе предлагается формулировка требований к аналитической рамке, пригодной для изучения миграционной политики в политических системах, не разделяющих институциональных характеристик либеральных демократий.

1. Концепция провала миграционных политик

Одной из отправных точек для академической дискуссии о миграционной политике стала концепция её систематического провала, предложенная Кастлсом [1]. Её центральный аргумент состоит в следующем: западные государства на протяжении десятилетий декларируют цели ограничения или управления миграционными потоками, однако реальные результаты этих усилий системно расходятся с провозглашёнными намерениями. Причины называются структурными: глобализация рын-

ков труда, действие транснациональных миграционных сетей, демографические диспропорции и гуманитарные обязательства создают факторы, которые государство не в состоянии нейтрализовать в одностороннем порядке [1, с. 210].

Аналитическая сила данной концепции очевидна применительно к тому типу систем, для которого она создавалась. Вместе с тем она опирается на допущение, которое сам Кастлс не артикулирует явно: государство в действительности стремится к достижению задекларированных целей, а разрыв между замыслом и результатом является непреднамеренным. Это допущение работает тогда, когда «провал» влечёт за собой реальные политические издержки – то есть когда существует механизм, превращающий управленческую неэффективность в электоральные потери. В политических системах, где данный механизм ослаблен или отсутствует, само понятие «провала» утрачивает аналитическую определённости: если государство принимало нормативный акт не ради достижения его задекларированной цели, то несовпадение результата с этой целью не является дисфункцией.

2. Либеральный парадокс: условия и пределы

Джонпке сформулировал концепцию «либерального парадокса», предложив ответ на вопрос, почему западные демократии системно принимают иммиграцию, которую декларируют нежелательной [2]. Механизм, описываемый в этой концепции, состоит в следующем: либеральные конституционные нормы, независимые суды и гражданское общество формируют совокупность ограничений, которые правительства не могут преодолеть даже при наличии политической воли к ужесточению иммиграционного контроля [2, с. 270]. Суды расширяют права мигрантов вопреки воле законодательной власти; НКО и правозащитные организации используют судебные механизмы для блокирования депортаций; международные обязательства ограничивают свободу действий национальных правительств.

Описываемый механизм требует одновременного выполнения нескольких условий. Судебная власть должна быть структурно независимой от исполнительной и готовой принимать решения против позиции правительства. Организации гражданского общества должны располагать реальным доступом к судебной защите и ресурсами для её использования. Международные обязательства должны быть обязательными к исполнению внутри страны. Там, где хотя бы одно из этих условий

не выполняется, механизм «вынужденной открытости» не запускается. Государство может принимать ограничительное законодательство и применять его с минимальными правовыми издержками. Концепция «либерального парадокса» точно описывает то, чего не происходит в не-западных системах, однако не предлагает объяснения того, что там происходит вместо этого.

3. Функциональные императивы государства

Концепция функциональных императивов государственной миграционной политики, разработанная Босвелл [3], представляет собой шаг к более гибкому аналитическому инструментарию. Автор разграничивает три типа функций, которые может выполнять государственная политика: инструментальные (реальное воздействие на регулируемую область), организационные (поддержание институциональных интересов ведомств) и символические (производство сигналов дееспособности для целевых аудиторий). Принципиально, что одна и та же мера может одновременно или поочерёдно выполнять функции разных типов, а официально декларируемая цель политики может не совпадать с её реальной функцией [3, с. 34-35].

Данное разграничение создаёт возможность анализировать политики, чья «инструментальная» неэффективность объясняется тем, что их реальная функция – символическая. Тем не менее применение этой концепции к незападным контекстам требует существенной корректировки. Босвелл рассматривает символическую функцию в контексте конкурентной электоральной демократии: правительство производит «сигнал дееспособности» для электорального большинства, стремясь удержать или расширить свою поддержку [3, с. 42]. Соответственно, адресатом символической политики выступает диффузный электорат. В системах с ограниченной электоральной конкуренцией логика адресации принципиально меняется: символические сигналы могут направляться не большинству, а конкретным политически мобилизованным группам, способным угрожать режимной устойчивости внеэлекторальными методами.

4. Неинституциональные подходы: зависимость от предшествующего развития

Холлифилд предложил объяснение устойчивой либеральности иммиграционных политик западных государств через неинституциональ-

ную логику [4]. Его аргумент строится следующим образом: государства, однажды открыв иммиграционные каналы, постепенно накапливают институциональные ограничения, делающие последующее ужесточение политики всё более затратным. Права мигрантов закрепляются в законодательстве, судебной практике и международных обязательствах. Сформировавшиеся миграционные сети и экономические связи создают группы с концентрированными интересами в сохранении открытости. Совокупность этих факторов порождает «зависимость от предшествующего развития» (path dependence): прошлые решения существенно сужают диапазон будущих.

В политических системах с концентрированной исполнительной властью «зависимость от предшествующего развития» применительно к институциональным ограничениям существенно слабее. Нормативные акты могут быть изменены административным решением без риска судебного обжалования. Права, зафиксированные в законодательстве, могут быть пересмотрены без организованного сопротивления, если правовая система не является независимой от исполнительной. Это означает, что объём обязательств государства перед мигрантами определяется не накопленными институциональными ограничениями, а текущей политической конъюнктурой.

5. Критика западнцентризма и незападные контексты

Наиболее систематическую критику западнцентричности субдисциплины предложила Натер [5]. Изучив формирование миграционного законодательства в Марокко и Тунисе, она показала, что существующие теоретические модели структурно исключают случаи, в которых политика принимается вне стандартных западных механизмов: без давления со стороны рынка труда, без конкуренции организованных интересов и вне логики избирательных циклов [5, с. 11]. По её наблюдению, незападные государства нередко принимают миграционные законы прежде всего как «сигнальный» акт, адресованный внешним или внутренним аудиториям, а не как инструмент управления потоками.

Эта констатация ставит перед исследователями задачу, которую критика сама по себе не решает: необходимо не только зафиксировать ограниченность существующих моделей, но и предложить позитивные концептуальные инструменты. Концепции, разработанные для анализа незападных политических систем, предлагают ряд таких инструментов.

6. К аналитической рамке для незападных систем

Концепция электорального авторитаризма, разработанная Шедлером [6], описывает политические системы, практикующие выборы без реальной электоральной конкуренции. В таких системах выборы выполняют функцию легитимации, а не подотчётности: правящие силы нуждаются в процедуре волеизъявления, но не в её непредсказуемом результате. Это означает, что основной угрозой для режима является не электоральное поражение, а потеря управляемости – утрата способности контролировать публичную повестку и предотвращать неинституциональное коллективное действие.

Концепция патрональной политики, разработанная Хейлом [7], описывает социальную логику организации политических и экономических взаимодействий в постсоветских системах: акторы ориентируются на персонализированный обмен конкретными вознаграждениями и наказаниями, а не на безличные институциональные правила. В такой логике формальные правовые нормы – включая нормы миграционного законодательства – функционируют как один из ресурсов политического торга, а не как ограничения, обязательные к соблюдению всеми участниками.

Малинова, анализируя механизмы символической политики в постсоветском пространстве, показала, что в системах данного типа производство политических символов является не дополнительной, а системообразующей функцией публичной политики [8]. Нормативные акты, официальные заявления и регуляторные решения конституируют власть как дееспособного актора перед конкретными аудиториями. Применительно к миграционной политике это означает, что регуляторная мера может быть адресована не столько реальным участникам рынка труда, сколько политически мобилизованным наблюдателям её принятия.

Синтез этих трёх концептуальных ресурсов позволяет сформулировать контуры аналитической рамки, в которой адресатом символической политики в незападных системах является не диффузный электорат [3], а конкретные группы, способные угрожать режимной устойчивости; «зависимость от предшествующего развития» [4] применительно к нормативной базе слабее, чем в либеральных демократиях; а «провал» государственной политики [1] переосмысливается как возможный запланированный результат, а не управленческий изъян.

Заключение

Каждая из рассмотренных концепций фиксирует реальные механизмы

применительно к системам, для описания которых она была построена. Их ограниченность в западных контекстах не является случайным упущением – она отражает институциональную специфику эмпирической базы субдисциплины. Эксплицирование предпосылок, на которых держится каждый теоретический механизм, является необходимым первым шагом к их методологически корректному использованию в сравнительных исследованиях. Там, где предпосылки не выполняются, аналитику требуется иной концептуальный язык – разработка которого представляет одну из актуальных задач сравнительной политологии миграции.

Список литературы:

1. Castles S. Why migration policies fail // *Ethnic and Racial Studies*. 2004. Vol. 27, № 2. P. 205-227.
2. Joppke C. Why liberal states accept unwanted immigration // *World Politics*. 1998. Vol. 50. № 2. P. 266-293.
3. Boswell C. *The Political Uses of Expert Knowledge: Immigration Policy and Social Research*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 248 p.
4. Hollifield J. F. *Immigrants, Markets, and States: The Political Economy of Postwar Europe*. Cambridge: Harvard University Press, 1992. 294 p.
5. Natter K. Rethinking immigration policy theory beyond 'Western liberal democracies' // *Comparative Migration Studies*. 2018. Vol. 6. № 1. P. 1-19.
6. Schedler A. (ed.). *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*. Boulder: Lynne Rienner, 2006. 267 p.
7. Hale H. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 460 p.
8. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // *Полис. Политические исследования*. 2010. № 2. С. 90-105.
9. Стафеев О.Н. Причины поражения и итоги вооруженных выступлений против Советской власти в Сургутском уезде в 1921 году // *Власть истории и История власти*. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 165-175.

Bibliography

1. Castles S. Why migration policies fail // *Ethnic and Racial Studies*. 2004. Vol. 27, № 2. P. 205-227.
2. Joppke C. Why liberal states accept unwanted immigration // *World Politics*. 1998. Vol. 50. № 2. P. 266-293.
3. Boswell C. *The Political Uses of Expert Knowledge: Immigration Policy and Social Research*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 248 p.
4. Hollifield J. F. *Immigrants, Markets, and States: The Political Economy of Postwar Europe*. Cambridge: Harvard University Press, 1992. 294 p.
5. Natter K. Rethinking immigration policy theory beyond 'Western liberal democracies' // *Comparative Migration Studies*. 2018. Vol. 6. № 1. P. 1-19.
6. Schedler A. (ed.). *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*. Boulder: Lynne Rienner, 2006. 267 p.
7. Hale H. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 460 p.
8. Malinova O.Yu. Symbolic politics and the construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia // *Polis. Political studies*. 2010. № 2. P. 90-105.
9. Stafeyev O.N. Reasons for the defeat and results of armed uprisings against Soviet power in the Surgut district in 1921 // *The power of history – History of power*. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 165-175.

Р

ЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ставропольский государственный педагогический институт

Щупленков О.В.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», филиал в г. Ессентуки.

Щупленков Н.О.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», филиал в г. Ессентуки.

Коллективная и историческая память как основа национально-культурной идентичности народов Северного Кавказа

Социальные кризисы и этноконфликты в современном северокавказском социуме не могут быть адекватно проанализированы без глубокого изучения целостного культурно-исторического контекста региона. В условиях трансформации политических систем республик Северного Кавказа актуальной задачей является разработка новых политических, социокультурных и экономических механизмов развития. Это включает создание уникальных производственных моделей, адаптированных к местным условиям, а также реализацию комплекса мер по развитию горных территорий, включая законодательные инициативы и материально-техническое обеспечение.

Кроме того, необходимо разработать инновационные механизмы политического, правового и социально-экономического регулирования, а также эффективные стратегии управления ключевыми общественными проблемами с учетом региональной специфики и геополитического положения Северного Кавказа [9]. В контексте российской истории и современного общества первостепенное значение имеют задачи преодоления культурно-цивилизационных разрывов и социальных дисбалансов, а также решение проблем социокультурного синтеза и макросоциальной интеграции кавказских этнических групп в российское социокультурное пространство.

Этнокультурные процессы, происходящие на Кавказе, включая этнические конфликты, напряженность, формирование националистических,

религиозных и культурных движений и объединений, как на глобальном уровне, так и в контексте Российской Федерации, свидетельствуют о высокой значимости этнокультурных взаимосвязей и взаимоотношений в жизнедеятельности современных государств и народов. Этнокультурные проблемы сохраняют свою актуальность и остроту, что проявляется в консолидации этнических общностей в борьбе за обладание новыми территориями, природными ресурсами и политической властью.

На протяжении тысячелетий Кавказ функционировал как стратегический транспортный коридор, связывающий Азию с Европой, а также находящийся в относительной близости к Африке. В частности, западное побережье Каспийского моря являлось уникальным геоморфологическим узлом, где Кавказские горные системы создают лишь узкую полосу низменных территорий, обеспечивая единственный удобный маршрут из степей Юго-Восточной Европы к Ближневосточному региону. Этот путь служил транзитным коридором для миграционных потоков древних кочевых племен, которые, в зависимости от исторических условий, временно или перманентно оседали в горных массивах и долинах Кавказа [1]. Здесь происходили сложные этногенетические процессы, включая как интеграцию различных этнических групп, так и их генетическую изоляцию.

На различных этапах исторического развития Кавказский регион выступал источником мощных миграционных потоков, которые оказывали значительное влияние на культурное и генетическое наследие многих народов, включая Индию и Китай. В настоящее время невозможно идентифицировать ни одну этническую общность, которая не подверглась бы культурному влиянию других народов. Глобализационные процессы, усиливающие межкультурные взаимодействия, одновременно стимулируют интерес к сохранению культурной самобытности [3]. Каждое этническое сообщество стремится к поддержанию и развитию своего уникального культурного облика, что подчеркивает важность культурного многообразия в современном мире.

Социальные и культурные трансформации всегда были неотъемлемой частью эволюционного процесса, и рассматривать этносы как статичные, неизменные образования было бы методологически некорректно. Любая этническая общность представляет собой динамическую систему, возникающую в результате взаимодействия и развития культурных структур. Новые формы культурных различий и традиций, подобно любым другим элементам социокультурного ландшафта, генерируются в процессе чело-

веческой деятельности, что делает их источниками постоянного обновления и трансформации [4].

Культурогенез, как сложный и многоуровневый процесс, не ограничивается однократным актом происхождения [14]. Он представляет собой непрерывную генерацию новых культурных форм и систем, интегрирующихся в существующие культурные парадигмы, а также формирование новых конфигураций, которые могут существенно модифицировать сложившиеся культурные модели. Сущность культурогенеза заключается в постоянном самообновлении культуры через трансформацию существующих форм и систем, а также через создание принципиально новых феноменов, ранее не присущих данной культурной среде [10].

Этнокультурная проблематика народов Кавказа привлекает внимание представителей различных научных дисциплин, однако, несмотря на разнообразие и порой противоречивость подходов, до сих пор не сформировалось единое определение Кавказской культуры. Кавказская культура, как полиморфное образование, включает множество феноменов, часто противоречащих друг другу и относящихся к различным уровням и аспектам реальности [9]. Попытки свести все многообразие проявлений кавказской культуры к единой традиционной парадигме неизменно оказывались безуспешными, что подчеркивает необходимость комплексного и междисциплинарного подхода к изучению данного феномена.

Коллективная идентичность представляет собой результат массового (группового) осмысления тождества и различий с индивидами, интегрированными в иные социальные общности [11]. Этот феномен проявляется в разнообразных формах, охватывающих все аспекты человеческого существования в разномасштабных социальных структурах и сообществах, включая социальные, социокультурные, цивилизационные, этнокультурные, национальные, гражданские и профессиональные аспекты.

Осознание человеком своей принадлежности к определенной социальной группе пронизывает все его индивидуальное и общественное бытие, тесно переплетаясь с постижением культурного контекста. Культура открывает перед индивидами возможность восприятия мира Другого и коммуникации с ним, выступая, таким образом, ключевым условием человеческого существования в социуме [7]. В этой связи, анализ соотношения личностного и социального через призму культуры, как имманентного противоречия, представляется принципиально важным для

различения идентичностей, объединенных общими концептами «коллективная идентичность» и «индивидуальная идентичность» (или «персональная», «личностная»).

Таким образом, коллективная идентичность, как феномен, является результатом сложного процесса социального осмысления и культурного восприятия, оказывая глубокое влияние на все аспекты человеческой жизни и деятельности.

Несомненно, что эти две типологические категории формируют интегративную идентификационную матрицу индивида и являются неотъемлемой частью его личностной структуры, выступая сущностными компонентами процесса самоидентификации. В свою очередь, коллективные идентичности способны в той или иной мере нивелировать индивидуальные идентичности, что позволяет достигать внутренне сложного и противоречивого единства группы или сообщества.

Именно благодаря способности человека интегрироваться в социальное пространство, осуществляя особый вид культурной деятельности, который можно обозначить как «насилие культурой», происходит «стирание» различий, «устранение» инаковости и адаптация к отличиям с Другими (Чужими). Это позволяет человеку проявлять себя в контексте «Мы», осознавая свою идентичность не только через индивидуальное бытие, но и через совместное сосуществование с другими индивидами.

Данная процедура самопожертвования, представляющая собой частичный и добровольный отказ от своей уникальной идентичности, является закономерностью воспроизводства социального и культурного взаимодействия в социокультурном пространстве. В этом пространстве сосуществуют различные категории субъектов: «свои», «чужие», «другие» и «иные». Кроме того, она представляет собой особую форму самоограничения и регуляции проявлений человека в социальных коллективах. В этих условиях проблема его самоутверждения в бытии перестает быть исключительно личностной (частной) социально-психологической проблемой. Она становится фрагментом общего социального процесса, где, солидаризируясь с группой, индивид осознает себя ее частью, одновременно продолжая искать свое собственное место в ней. Это «место» в значительной степени предопределено культурой через саму возможность его выбора [6].

В свою очередь, синергия идентичностей, интегрированных в единое когнитивное пространство, не достигается посредством полного

нивелирования или конгломерации индивидуальных особенностей. Напротив, идентичности взаимодополняют и взаимопроникают друг в друга, формируя многоуровневую структуру связей, характеризующуюся динамической неустойчивостью и подверженностью перманентным трансформациям. Эти трансформации обусловлены как объективными изменениями социокультурного контекста, так и субъективными переживаниями индивида, связанными с его социальной интеграцией.

Генезис модели «множественной идентичности», которая в условиях глобализации становится одной из наиболее репрезентативных идентификационных парадигм, во многом обусловлен стремлением к достижению труднодостижимого баланса между индивидуальной автономией и императивом социальной солидарности [13].

Культурологическое осмысление коллективной идентичности современной России требует детального анализа истории формирования многокультурного пространства страны, которое характеризуется значительным разнообразием региональных полиэтнических и поликонфессиональных вариантов [12]. Конфигурация этих вариантов определялась уникальностью каждой территории, интегрируясь в сложный процесс региональной интеграции как путь самоопределения региональной культуры. Этот процесс насыщен событийным и фактологическим материалом, что придает конкретным историческим периодам определенную доминантную окраску.

Важно отметить, что смена социокультурных ориентиров происходила не только в рамках самоорганизации, но и под влиянием стратегий культурной политики. Эти стратегии нередко соответствовали устоявшимся традициям естественно сложившегося асимметричного культурного ландшафта, который проявляется в дихотомии между модернизационными преобразованиями, преимущественно экономическими и техническими, и традиционными принципами культурного развития различных территорий. Это закрепило инвариантность культурно-цивилизационных векторов внутри сложного цивилизационного типа, что, в свою очередь, предопределило различные ритмы и неравномерность освоения новых форм, а также специфику адаптации к новым социальным условиям и, как следствие, преодоление неравенства в потреблении современных культурных образцов в различных региональных культурных пространствах.

Таким образом, цивилизационное «давление» выступило в качестве фактора, побудившего население этих территорий не только сохранять

ценности собственной культуры, но и более пристально исследовать свою насыщенную событиями уникальную историю, а также стремиться к традиции.

Эволюция образа жизни и формирование новой социальной организации, а также распространение современных культурных форм представляют собой многоэтапный и продолжительный процесс. Устойчивость региональной (локальной) коллективной идентичности обеспечивается механизмами культурно-исторической преемственности и исторической памяти, которые выступают в качестве фундамента для культурно-исторической самоидентификации. «Человеку кажется, – писал И. Г. Гердер, – что он все воспроизводит изнутри своего существования», в то время как он формируется на образцах культурной традиции и, будучи включенным в социальное единство индивидов, превращает нас в человека [5].

Передаваемые из поколения в поколение ценности и нравственные установки, предписанные традициями образ жизни и нормы, дополненные культурными текстами (фольклор, исторические документы, артефакты, учебные материалы по истории, художественные произведения и т.д.), формируют модель коллективной идентичности этноса, проживающего на определенной территории. Этот процесс, как правило, включает оценочный и компаративистский дискурс, позволяющий осмыслить культуру конкретного этноса в контексте многообразия существующих культур и традиций, а также сложившихся между ними отношений, включая истории позитивных заимствований и интерпретацию конфликтов. В рамках этой модели формируется функциональная специализация различных институтов, участвующих в конструировании коллективной идентичности.

Творческое обновление традиции не только трансформирует идентификационную матрицу, но и развивает и сохраняет ее особый смысл, открывая позитивные перспективы социокультурной динамики. Традиции, как результат фиксации социокультурных практик в коллективной памяти, являются жизненно необходимым элементом, обеспечивающим преемственность поколений. Как отмечает Жак Ле Гофф, память играет ключевую роль в формировании индивидуальной и коллективной идентичности [8].

В 1990-е годы XX века историческая память стала ключевым фактором, формирующим национально-культурную идентичность [2]. В этот период социокультурная динамика, все еще находящаяся под влиянием

политико-идеологических и рыночных детерминант, претерпела значительные трансформации, оказывая воздействие на историческое сознание. Эти трансформации проявлялись в стремлении адаптировать прошлое к актуальным потребностям современности. Однако в процессе такого «осовременивания» зачастую происходило не творческое переосмысление традиций, а их «аутентичная реанимация», что приводило к утрате временного измерения в восприятии истории. В результате люди лишались возможности полноценно осознавать и ценить свое прошлое и прожитое бытие.

Проблема заключается не только в потенциальных рисках усиления этноцентристских тенденций, которые часто сопровождали всплески «патриотизма». Разрыв исторического времени, являющийся основой для понимания прошлых событий и их влияния на современность, привел к искажению социокультурного опыта совместного существования людей на определенной территории. Это, в свою очередь, способствовало деформации восприятия коллективной памяти и затруднило формирование целостного и объективного представления о прошлом.

С точки зрения системного подхода к социальному развитию, можно утверждать, что устойчивое функционирование социума невозможно без учета его исторической ретроспективы, при условии, что интерпретация прошлого не искажает его сущностные характеристики. В условиях, когда современные трансформации приводят к разрушению устоявшихся связей между структурными элементами системы, результатом такого дезинтегративного процесса становится дезорганизация социальных институтов и общественных отношений. Синергетическая парадигма, акцентирующая внимание на согласованных взаимодействиях в сложной социальной сети, которая опирается на культурные традиции, позволяет минимизировать риски, связанные с неопределенностью и энтропией.

Основываясь на концепции габитуса, предложенной Пьером Бурдьё, социокультурные практики в экстремальных ситуациях выводят человеческую деятельность в режим глубинного выбора, где решения принимаются, минуя рациональные процессы, поскольку они формируются в бессознательной области социокультурной памяти. Более того, очевидно, что практики взаимодействия индивидов, проживающих на одной территории, являются результатом сложного динамического взаимодействия взаимосвязанных компонентов, таких как сенсорные, иконические, семантические и семиотические элементы, которые обладают как

долговременным, так и кратковременным, резервным и операционным значением.

В условиях неопределенности социокультурные модели, интегрированные в идентификационную матрицу, могут функционировать как источник нестабильности или, напротив, выступать в качестве параметра порядка, поскольку закрепленные культурные паттерны и стереотипы поведения, сформированные на основе прошлого социального опыта, включены в систему регуляции человеческого поведения. Следовательно, необходимо учитывать, что любые культурно-исторические искажения и произвольные интерпретации могут функционировать как механизмы, разрушающие устойчивость коллективной идентичности, которая формировалась на протяжении длительного времени.

Противоречивое единство идентификации, проявляющееся в постмодернистской деконструкции традиционных идентичностей и их рациональном идеологическом или мифологическом переосмыслении в рамках «воображаемых сообществ», выступает ключевой характеристикой современных коллективных идентичностей. Эта методологическая позиция, в свою очередь, противостоит не менее значимой точке зрения, акцентирующей внимание на пространственных и культурных аспектах нации. В рамках данного подхода нация воспринимается как реальная общность, обладающая собственной историей, языком, религией, правом и другими атрибутами. Нация рассматривается как результат эволюции государства, индустриального развития, создания коммуникационных и транспортных сетей, а также институтов национальной культуры и образования. Кроме того, категория «нация» может быть заменена на «национальное» (как коллективно разделяемый образ) и «национализм» (как политическую доктрину и практику).

Несмотря на фундаментальные различия между нацией как реально существующим образованием и нацией как виртуальной общностью, в современных государствах национальная культура сохраняет свою значимость. Она выражается в символическом ряде, включающем государственную геральдику, ритуалы и другие элементы, а также в организациях и учреждениях, олицетворяющих власть, и институтах специализированных сфер, таких как образование и искусство.

Национальная идентичность продолжает строиться на основе определённого ценностного ряда, включающего понятия «национальное самосознание», «свобода», «патриотизм» и «уважение к истории и культурным традициям». Уровень национально-культурной идентичности

понимается в широком обобщённом смысле и рассматривается как интегративный феномен, рационально конструируемый с использованием политических и идеологических механизмов. Этот феномен формирует «культурную скрепу» для коллективной общности, проживающей на одной территории.

Национальная идентичность представляет собой сложную и многослойную конструкцию, базирующуюся на синтезе социальных, культурных и политических идей и ценностей, которые формируются в результате динамичного взаимодействия различных конкурирующих моделей идентичности. В полиэтнических и поликонфессиональных обществах этническая и религиозная идентичности часто выступают в качестве ключевых компонентов национальной идентичности, интегрируя индивидов в более широкие социокультурные и политические структуры.

Ядро национальной идентичности, как правило, составляет культура, которая функционирует в качестве мощного интегрирующего символического ресурса. В отличие от гражданской идентичности, которая определяется принадлежностью к конкретному государству и во многом является продуктом институционального воздействия, культурная идентичность в значительной степени формируется на основе личностного выбора. Однако это не исключает активного участия государства в процессе конструирования национально-культурной идентичности.

Государство, формируя особое символическое пространство, насыщенное ценностно-смысловым содержанием, выполняет важную функцию интеграции социокультурного пространства. Закрепляя образы, нормы и стили, транслируя мифы и исторические нарративы, государство создает необходимые условия для социального взаимодействия и личностной самореализации, что способствует консолидации национальной идентичности и укреплению социальной сплоченности.

В теоретическом контексте мультикультурализм, центрирующий концепцию «культурной мозаики», представляет собой альтернативную парадигму для урегулирования межэтнических взаимодействий в гетерогенных обществах. Однако, учитывая как неоднозначные результаты его внедрения в Соединенных Штатах, так и успешные кейсы канадского корпоративного мультикультурализма, данная концепция может служить концептуальной основой для решения проблемы сосуществования представителей различных этнических групп на одной территории. Это явление, рассматриваемое как потенциальная тенденция социокультурных

процессов в условиях глобализации, не лишено элементов идеализации и мифологизации, поскольку предполагает достижение труднодостижимого идеала, сформированного в рамках эстетически привлекательных теоретических конструкций.

Однако, новые концептуализации идеи «многокультурности» не исключают их успешного интегрирования в стратегии социокультурной политики. Открытость российского общества к ценностям и жизненным установкам различных народов, а также взаимодействие с иными ментальностями и субкультурными ландшафтами мигрантов, прибывающих в страну, и рост числа индивидов с множественной идентичностью, обуславливают необходимость актуализации адаптационных механизмов в новой социокультурной среде. Это приводит к пересмотру ценностной иерархии и вековых социальных отношений. Утверждать, что данное явление не оказывает влияния на ментальные структуры личности и принципы сохранения этнокультурного многообразия в стране, по меньшей мере, не соответствует действительности и демонстрирует недостаточное понимание сложных процессов социокультурной трансформации.

Процесс идентификации в России характеризуется высокой степенью напряженности и, несмотря на наличие ряда тенденций, коррелирующих с глобальными процессами, наблюдается явное расхождение в базовых принципах укрепления социальной сплоченности. В условиях неустойчивости ценностных ориентиров и дефицита интегрирующих идей, исследователи все чаще приходят к выводу о том, что государственные стратегии по формированию национальной идентичности в России подвержены значительному влиянию традиционного раскола, как на идеологическом, так и на культурном уровнях. «Тотальная критика отсталости как модели организации социальной жизни и поведения – одно из ключевых направлений социального процесса изобретения новой российской идентичности. В интеллектуальном смысле неологизм «отставание» появлялся в российском дискурсе всегда в переломные эпохи» [7, с. 74]. В условиях, когда концепции «модернизации» и «инноваций» вновь коррелируют с необходимостью преодоления цивилизационного разрыва (при недостаточной социальной и культурной мотивации), процесс консолидации идентификационных моделей и, тем более, демаркация коллективных идентичностей представляют собой сложную задачу.

В контексте современных процессов модернизации конструирование

национальной идентичности представляет собой сложную задачу, сопряженную с рядом рисков. Одним из таких рисков является идеализация прошлого, которая может привести к искажению исторической памяти и формированию ложных представлений о национальной истории. Однако не менее опасным является и риск историко-культурного забвения, когда значимые аспекты национального наследия могут быть утрачены из-за недостатка внимания к их сохранению и осмыслению. В результате может произойти подмена исторических фактов, что ведет к трансформации символического пространства и искажению национальной идентичности.

«Формируется твердое убеждение в том, что тотальная секуляризация, формальная теизация, развитие индивидуализма без солидарности и социального партнерства порождают моральный релятивизм, разрушают ценностные основания единства россиян», – заключают исследователи, характеризуя состояние российской идентичности [7, с. 134].

Трансформация общественных систем от традиционных к современным парадигмам сопровождается диверсификацией социальных связей индивидов и групп, что, в свою очередь, обуславливает динамичность идентификационных моделей. Этот процесс отражает глобальную тенденцию социальной дестабилизации, приводящую к утрате целостности и устойчивости социальной идентичности, а также к чрезмерной индивидуализации идентификационных процессов.

В процессе исторического развития человеческого общества стало очевидным, что утверждение культуры неограниченного индивидуализма влечет за собой ряд неоднозначных и многоаспектных последствий. В рамках данной парадигмы, где нарушение норм выступает в качестве единственного незыблемого правила, проявляются фундаментальные проблемы, требующие детального анализа.

Во-первых, необходимо отметить, что моральные ценности и общественные нормы не являются деспотическими ограничениями свободы индивида, а представляют собой неотъемлемые условия для эффективной и продуктивной совместной деятельности. Они формируют основу для координации действий и достижения общих целей в различных социальных контекстах.

Во-вторых, утверждение культуры крайнего индивидуализма приводит к разрыву традиционных социальных связей и изоляции индивидов от общества. Несмотря на кажущуюся независимость и свободу выбора, индивиды начинают осознавать, что для поддержания социального

взаимодействия необходимы общие ценности, нормы и коллективный опыт. В условиях освобождения от традиционных ограничений и утраты устойчивых социальных связей у людей возникает чувство одиночества, дезорганизации и тоски по более глубоким и устойчивым формам взаимодействия с другими членами общества.

Таким образом, анализ последствий культуры неограниченного индивидуализма позволяет сделать вывод о том, что ее утверждение может привести к серьезным социальным дисфункциям и кризису идентичности на индивидуальном уровне. В свете этих выводов становится очевидным необходимость поиска альтернативных моделей социального взаимодействия, которые бы учитывали как потребности индивида, так и интересы общества в целом.

С точки зрения социальной антропологии и этнологии, национально-культурная идентичность, несмотря на все описанные социальные деструктивные процессы, играет ключевую роль в обеспечении стабильности межличностных взаимодействий и интеграции индивидов в социум. Фундаментальное значение культуры в формировании нации не только предполагает, но и фактически интегрирует всё многообразие культурных составляющих в единое целое, представляя их в виде нарратива совместного исторического существования. Данный подход не нивелирует уникальность отдельных культур, но, напротив, способствует их консолидации в рамках единого национально-государственного пространства, создавая национально-культурную целостность.

Общепризнано, что нестабильность коллективной идентичности обусловлена множественностью перспектив относительно будущего России, её полиэтничностью и поликонфессиональностью, а также различными интерпретациями понятий «нация» и «государство». Эти факторы усугубляются слабостью макрорегиональной и региональной политики, которая не способна создать условия, при которых общность нации станет более значимой, чем этнокультурные различия.

В теоретических работах отечественных исследователей освещаются различные подходы к формированию национально-культурной идентичности. Заметная часть предлагаемых моделей характеризуется наличием множественного ядра, вокруг которого формируются другие идентичности. Это отражает ситуацию «интенсивного поиска» интегративного варианта политического конструирования коллективной идентичности, что является актуальным в условиях многополярного и глобализирующегося мира.

Культурологический дискурс, являясь интегральным элементом информационно-коммуникативной матрицы гражданского общества, способен формировать новую социокультурную парадигму в России. Эта парадигма предполагает создание равных возможностей для участия всех граждан в культурных проектах, направленных на трансформацию социальной среды, обеспечение равного доступа к культурным ценностям и стимулирование активного участия в различных сферах общественной жизни.

В условиях такой социокультурной конфигурации происходит укрепление коллективных идентичностей, где новая иерархия ценностей интегрирует социальное равенство, личную свободу, ответственность, профессионализм, стремление к успеху и материальному благосостоянию с традиционными культурными ценностями. Это включает в себя принципы справедливости, социальной ответственности, доверия к государству и друг к другу, а также уважение к традициям отечественной культуры, основанное на интеграции ценностей всех составляющих ее этнических и религиозных групп.

Однако в условиях глобализации, сопровождающейся усилением социального и культурного неравенства, вопрос об эффективности культуры в поддержании национальной стабильности и безопасности, а также в воспитании нового поколения на принципах уважения к культурным традициям в поликультурной среде приобретает особую значимость. Проблемы сохранения целостности российской культуры и формирования национально-культурной и гражданской идентичности, таким образом, становятся центральными в дискурсах политических элит.

В контексте анализа фундаментальных аспектов кавказской культурной идентичности, следует выделить ряд ключевых факторов, определяющих ее генезис и структуру. Прежде всего, необходимо подчеркнуть значимость единой природной среды, в которой происходило формирование кавказских этносов и их социальных институтов. Эта среда не только способствовала этнокультурной консолидации, но и оказала глубокое влияние на формирование социальной структуры и мировоззренческих установок кавказских народов.

Особое внимание следует уделить процессу формирования кавказскими этносами единого социокультурного пространства, характеризующегося общностью мировоззренческих принципов, традиционных практик, религиозных верований, ценностных ориентаций, ментальных особенностей и норм социально-культурных взаимодействий. Эти факторы, в

свою очередь, способствовали выработке специфического кавказского социокультурного архетипа, определяющего цели и смыслы коллективного социального действия.

Нельзя не отметить и этногенетическое родство ряда кавказских народов, которое играет важную роль в формировании их социокультурной общности. Генетическая близость способствовала культурному взаимообогащению и интеграции этносов в рамках единого социокультурного пространства.

Историческая судьба народов Кавказа, обусловленная их геостратегическим положением, характером социально-экономического развития и взаимоотношениями с внешним миром, также оказала значительное влияние на формирование кавказского социокультурного архетипа. Исторический опыт, аккумулированный кавказскими этносами, определил их ценностные ориентации, модели поведения и формы социальной организации, что, в свою очередь, существенно повлияло на развитие кавказской культуры в целом.

Список литературы:

1. Адиев А.З., Щербина Е.А. Общероссийская идентичность на Северном Кавказе: pro et contra // Вестник российской нации. 2021. № 3. С. 54-63.
2. Астафьева О.Н. Историческая память как ресурс культурной политики и формирование коллективной идентичности. Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: коллективная монография (отв. ред. Н.А. Кочеляева). – М.: Совпадение. 2012. С. 95-114.
3. Аствацатурова М.А. Северный Кавказ: перспективы и риски. Трансформация регионального этнополитического пространства. – М.: Московское бюро по правам человека. 2011. 192 с.
4. Гадиева А.Н. Роль исторических нарративов в формировании гражданской идентичности молодежи (на примере Северного Кавказа) // Теория и практика общественного развития. 2025. № 11. С. 63-68.
5. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. 705 с.
6. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. – М.: РАН, 2018. 508 с.
7. Когатко Д.Г., Тхакахов В.Х. Российская идентичность: культурно-цивилизационная специфика. – СПб.: Алетейя, 2010. 136 с.
8. Ле Гофф Ж. История и память / Жак Ле Гофф; [пер. с франц. К. З. Акопяна]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 303 с.
9. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 39-52.
10. Российская идентичность на Северном Кавказе / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляушева, А. Шадже; под общ. ред. А.Ю. Шадже. – М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество», 2010. 248 с.
11. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2005. № 2/3. С. 6-7.
12. Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. – М.: Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. 280 с.
13. Шеуджен Э.А. Проблемы региональной идентичности в исторической памяти народов Северного Кавказа // Власть. 2014. № 11. С. 34-39.
14. «Большой Кавказ: пространство взаимодействия цивилизаций и народов»: Материалы V Международного форума историков-кавказоведов (15–16 ноября 2017 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. В.В. Черноус; сост.: В.О. Вагина, Н.Н. Гонтаренко. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2017. 421 с.
15. Баров С.А., Егорова М.А. Теоретическая интерпретация феномена региональной интеграции в контексте современных международных отношений // Альманах Казачество. 2020. № 44. С. 110-130.

Bibliography

1. Adiev A.Z., Shcherbina E.A. All-Russian Identity in the North Caucasus: Pro et Contra // Bulletin of the Russian Nation. 2021. № 3. P. 54-63.
2. Astafieva O.N. Historical Memory as a Resource of Cultural Policy and the Formation of Collective Identity. Cultural Memory in the Context of the Formation of Russia's National Identity in the 21st Century: A Collective Monograph (ed. by N.A. Kochelyaev). Moscow: Sovpadenie. 2012. P. 95-114.
3. Astvatsaturova M.A. The North Caucasus: Prospects and Risks. Transformation of the Regional Ethnopolitical Space. Moscow: Moscow Bureau for Human Rights. 2011. 192 p.
4. Gadieva A.N. The Role of Historical Narratives in Shaping the Civic Identity of Young People (Based on the North Caucasus) // Theory and Practice of Social Development. 2025. № 11. P. 63-68.
5. Herder I.G. Ideas for the Philosophy of Human History. Moscow, 1977. 705 p.
6. Historical Memory and Russian Identity / ed. by V.A. Tishkov, E.A. Pivneva. Moscow: Russian Academy of Sciences, 2018. 508 p.
7. Kogutko D.G., Tkhakakhov V.Kh. Russian Identity: Cultural and Civilizational Specificity. St. Petersburg: Aleteya, 2010. 136 p.
8. Le Goff J. History and Memory / Jacques Le Goff; [translated from French by K. Z. Akopyan]. – M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2013. 303 p.
9. Repina L.P. Historical Memory and Contemporary Historiography // New and Contemporary History. 2004. № 5. P. 39-52.
10. Russian Identity in the North Caucasus / Z. Zhade, E. Kukva, S. Lyaucheva, A. Shadzhe; edited by A.Yu. Shadzhe. – M.: Social and Humanitarian Knowledge; Maykop: OOO "Quality", 2010. 248 p.
11. Halbwachs M. Collective and Historical Memory // Emergency Reserve: Debates on Politics and Culture. 2005. № 2/3. P. 6-7.
12. Sheudzhen E.A. Adyghe (Circassians) in the Space of Historical Memory. Moscow: Maykop: ASU Publishing House, 2010. 280 p.
13. Sheudzhen E.A. Problems of Regional Identity in the Historical Memory of the Peoples of the North Caucasus // Vlast. 2014. № 11. P. 34-39.
14. "The Greater Caucasus: a Space of Interaction of Civilizations and Peoples": Proceedings of the V International Forum of Historians-Caucasus Scholars (November 15-16, 2017, Rostov-on-Don) / ed. V.V. Chernous; compiled by: V.O. Vagina, N.N. Gontarenko. Rostov n / D: Science and Education Fund, 2017. 421 p.
15. Barov S.A., Egorova M.A. Theoretical interpretation of the phenomenon of regional integration in the context of contemporary international relations // Almanac Cossacks. 2020. № 39. P. 110-130.

ЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского*

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Бирюков Н.Г.

Кандидат филологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет». Профессор кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей, г. Ростов-на-Дону.

Файзулина А.И.

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». Старший преподаватель кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей, г. Ростов-на-Дону.

Некоторые аспекты вежливой речи «кэйго» как уникального механизма регулирования отношений в японском обществе

Кэйго 敬語 (с яп. яз. почтительный язык) – особая система вежливой речи в японском языке, которая выполняет функцию социального регулятора. Эта уникальная система отражает иерархическую структуру общества и культурные нормы взаимодействия между людьми. Актуальность исследования Кэйго, как механизма регулирования социальных отношений, и анализа его структурных особенностей и социокультурной значимости обусловлена возрастающим интересом к межкультурной коммуникации и необходимостью понимания тонкостей японского делового и повседневного общения. Говоря о дефиниции и функциях Кэйго, необходимо учитывать нижеследующее:

1. Кэйго – это совокупность типов вежливой речи японского языка, используемая для выражения уважения, признания иерархии и поддержания гармонии в межличностном общении.

2. Основные функции Кэйго:

2.1 *Идентификационная.* Помогает отразить социальную позицию участников коммуникации (возраст, статус, род занятий и прочее).

2.2 *Социальная.* Позволяет регулировать степень формальности общения – от отстраненно-вежливого до интимно-близкого тона.

2.3 *Определительная.* Вносит ясность в расплывчатые конструкции японского языка, уточняя отношения и статус собеседников.

2.4 *Регулятивная.* Управляет поведением участников коммуникаций, задавая тон беседе и устанавливая рамки допустимого и ожидаемого.

Типологически Кэйго подразделяется на три стиля: 1. Тэйнэйго 丁寧語

– нейтрально-вежливый стиль. Этот стиль используется в большинстве повседневных коммуникаций и характеризуется применением формы окончания предложения - *ます* (масу) у глаголов и частицы, и *—です* (дэсу) у остальных частей речи. Например: глагол *帰ります* (каэримасу), что означает возвращаться домой, вместо простой формы *帰る* (каэру), которая является словарной формой, употребляемой в фамиллярной речи. 2. Сонкэйго 尊敬語 – уважительный стиль. Сонкэйго применяют при описании действий уважаемого лица, которым может являться начальник, старший по возрасту, выше по званию и т.д. Этот стиль использует особые глаголы и вежливые приставки *お* - (о) и *ご* - (го), что можно показать на примере глагола *見る* (миру), который означает смотреть, видеть: его вежливая форма *ご覧になる* (го-ран ни нару). 3. Кэндзёго (謙譲語) – скромный стиль. Он служит для того, чтобы показать принижение собственных действий с целью возвысить собеседника. Такой стиль включает в себя специальные глаголы и конструкции. Например, глагол в простой форме *食べる* (табэру), что означает есть, питаться, в скромной форме будет звучать *いただく* (итадаку); глагол *行く* (ику), означающий ехать, направляться, - *まいる* (маиру) в скромной форме. Стилистическое целеполагание выступает стратегией, а выбор языковых средств реализует тактику, но и стратегия и тактика зависят от конкретной коммуникативной ситуации, где говорящими избирается необходимые тип Кэйго. Выбор конкретного типа Кэйго зависит от ряда социальных факторов. Можно назвать следующие критерии выбора типа речи: возраст (младшим принято выказывать уважение к старшим); статус (ученик и учитель, служащий и начальник); род занятий (пациент, врач, продавец/покупатель); степень близости (свой/чужой и принцип ути-сото 内外); отношения старший/младший по опыту или должности (сэмпай/кохай 先輩/後輩); контекст общения (деловая встреча, семейный ужин и т.п.).

Кэйго – не просто совокупность лексических и синтаксических конструкций, а целостная система социального регулирования, встроенная в повседневную коммуникацию японцев, являющаяся частью их социокультурного кода. В этой связи Кэйго служит поддержанию существующей иерархической структуры общества, закрепляет и воспроизводит иерархические отношения и связи через язык:

1. Вертикальные связи. В семье, на работе, в учебных заведениях этот язык формализует отношения «старший-младший». Например, подчиненный использует Сонкэйго (уважительный стиль) при обращении к начальнику, а начальник – более нейтральный Тэйнэйго (нейтраль-

но-вежливый) в ответ.

2. Возрастная иерархия. Младшие обязаны применять вежливые формы по отношению к старшим, даже если разница в возрасте невелика.

3. Профессиональная субординация. Врач, учитель, служитель храма автоматически получают более высокий статус в общении, что отражается в выборе коммуникативных тактик Кэйго. В качестве основной коммуникативной стратегии Кэйго нивелирует конфликтный потенциал, смягчает указания старших младшим, превращая их в вежливые просьбы:

вместо категоричного приказа *それをしてください* (сорэ о ситэ кудасай) – «Сделайте это», используется более мягкая форма *それをいただけませんか?* (сорэ о итадакэмасу ка) – «Не могли бы вы это сделать»; отказ или несогласие формулируется косвенно: *ちょっと考えます* (тётто кангаэмасу) – «Я немного подумаю» вместо прямого «нет»; критика если имеет место, то выражается порой через самоуничижительные формы (Кэндзёго), дабы не обидеть собеседника: *私の説明が足りないのをご利生でした* (ватаси но сэцумэй га таринай нодэ го-рисё: дэсита) – «Видимо, мое объяснение было недостаточным, прошу прощения».

С точки зрения реализации социокультурного кода и коммуникативные стратегии и тактики направлены на поддержание групповой идентичности, которая подчёркивает этнокультурную уникальность японцев. Кэйго чётко разделяет коммуникативный акт на «внутренний» - 内 (ути – «свои») и 外 (сото – «чужой»): внутри группы (семья, коллеги одного уровня) допустимо упрощение или отсутствие Кэйго. При взаимодействии с внешней группой (клиенты, партнеры, начальство) строго соблюдаются нормы вежливого стиля; переход между этими «стилевыми режимами» сигнализирует о смене социального контекста. Например, на корпоративном мероприятии сотрудники могут временно отказаться от строгих форм Кэйго. Отдельно надлежит отметить коммуникативное регулирование дистанции, где Кэйго позволяет чётко градуировать степень формальности в бытовых коммуникациях, Таблица 1.

Вежливая речь Кэйго также включает в себе культурно-символическую функцию в проекции социокультурного кода и традиций этнокультурной коммуникации японцев. Прежде всего – это уважение к старшим (敬老 кэйро), тут коммуникативная стратегия реализуется в обязательном использовании Сонкэйго по отношению к пожилым людям. Неотъемлемой этноментальной чертой японцев является скромность (謙虚 кэнкё) – через Кэндзёго говорящий принижает свои достижения, чтобы не выглядеть высокомерным, что реализуется в различных

Таблица 1.

Степень близости	Тип Кэйго	Примеры использования
Очень формальная	Сонкэйго + Кэндзёго (уважительный стиль + скромный стиль)	Деловая встреча с высокопоставленным лицом, важным клиентом
Формальная	Тэйнэйго (вежливая речь)	Общение с коллегами, малознакомыми людьми одного статуса
Нейтральная	Нейтральный Тэйнэйго (упрощенная вежливая речь)	Общение с близкими коллегами одного уровня
Неформальная	Отсутствие Кэйго (фамильярная речь)	Беседы с близкими друзьями, внутри семьи

коммуникативных тактиках. Конечно же, говоря о японском этносе нельзя не упомянуть стремление к конфуцианской гармонии (和 ва) – приоритет коллективных интересов над индивидуальными, что проявляется в избегании прямых конфликтов. И одновременно чувство долга (義理 гири) – необходимость отвечать вежливостью на вежливость, обязательно поддерживать установленные социальные нормы коммуникаций.

Некорректное использование типов Кэйго и заложенных в них норм, может привести к непониманию и обидам. Например, прямое обращение к старшему по возрасту на «ты»; к потере доверия в бизнесе: когда на переговорах одна сторона переходит на неуместное упрощение речи с клиентом; к социальной изоляции: не проходит бесследно игнорирование норм иерархии в коллективе; а так же в итоге пренебрежение нормами вежливой речи ведет к восприятию говорящего как высокомерного и невоспитанного человека.

Кэйго – это динамичный механизм социального контроля, который выполняет ключевую функцию в поддержании социальной гармонии и иерархии. Как уникальный язык общения Кэйго подчеркивает статусные различия. Использование правильных коммуникативных стратегий и выбор тактик Кэйго демонстрирует осознание своего места в социальной структуре. Кэйго снижает риск конфликтов, что объясняется тем, что вежливые формулировки смягчают прямые указания и просьбы, делая их менее категоричными. Также эта система формирует ожидания и определяет нормы поведения в различных ситуациях (на работе, в семье, в общественных местах), укрепляя групповую идентичность через разграничение «своих» и «чужих». И, конечно, этнокультурные ценности японского народа. Кэйго акцентирует важность гармонии, скромности, уважения к старшим и коллективизма, что составляет совокупность со-

циокультурного кода этого уникального этноса. Кэйго - это залог сохранения социокультурной структуры общества, фактор поддержания стабильности и предсказуемости межличностных отношений.

Список литературы:

1. Алпатов В.М. Категории вежливости в современном японском языке / отв. ред. И.Ф. Вардудль. - изд. 3-е. - М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 152 с.
2. Бирюков Н.Г., Сафонова А.И., Толмачева Е.И. Влияние научно-технического прогресса на эволюцию японского общества // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 54-63.
3. Бирюков Н.Г., Дворянинова Е.И. Массовая культура в парадигме социальных аттракций (психолого-педагогический опыт Японии) // Преподаватель высшей школы в XXI веке: Труды 20-й Юбилейной международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 09-10 июня 2023 года. Том 20. Часть 1. - Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2023. С. 88-95.
4. Бирюков Н.Г. Японская литература в контексте мировой литературы постмодерна // Научный вектор: Сборник научных трудов / Под научной редакцией Е.Н. Макаренко. Выпуск 9. - Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2023. С. 358-362.
5. Вейнберг Н.М. Особенности использования комплиментов/похвалы в ситуациях делового общения на японском языке. Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур. // Материалы II Международной научно-практической конференции, - Иркутск, МГЛУ ЕАЛИ, 2016. С. 165-172.
6. Ветцель П.Дж. Кэйго в современной Японии: Вежливый язык от эпохи Мэйдзи до наших дней. Гонолулу: University of Hawaii Press, 2004. 216 с.
7. Мацумура Ёсико, Кёко Тинами, Наоко Ямадзи. Практическое пособие по японской вежливости (перевод с японского языка на русский). Практическое пособие по японской вежливости. Издание университета Кюсю, г. Фукуока, Япония, 2017. 156 с.
8. Мулекова Л. Обучение Кейго в образовательном процессе: проблемы освоения уважительных форм японской речи и пути их преодоления. // «Зарубежная лингвистика и лингводидактика». 2025. № 3. С. 79-88.
9. Махмутова К.А. Межконфессиональное согласие в молодежной среде // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 127-131.

Bibliography

1. Alpatov V.M. Categories of politeness in modern Japanese / ed. I.F. Vardul. - 3rd ed. - Moscow: LIBROKOM, 2009. 152 p.
2. Biryukov N.G., Safonova A.I., Tolmacheva E.I. The influence of scientific and technological progress on the evolution of Japanese society // Ethnoscociety and Interethnic Culture. 2021. № 4 (154). P. 54-63.
3. Biryukov N.G., Dvoryaninova E.I. Mass Culture in the Paradigm of Social Attractions (Japan's Psychological and Pedagogical Experience) // Higher Education Teacher in the 21st Century: Proceedings of the 20th Anniversary International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, June 9-10, 2023. Volume 20. Part 1. - Rostov-on-Don: Rostov State Transport University, 2023. P. 88-95.
4. Biryukov N.G. Japanese Literature in the Context of World Postmodern Literature // Scientific Vector: Collection of Scientific Papers / Edited by E.N. Makarenko. Issue 9. - Rostov-on-Don: Rostov State University of Economics "RINH", 2023. P. 358-362.
5. Weinberg N.M. Peculiarities of Using Compliments/Praise in Business Communication Situations in Japanese. Asia-Pacific Region: Dialogue of Languages and Cultures. // Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, MSLU EALI, 2016. P. 165-172.
6. Wetzel P.J. Keigo in Modern Japan: Polite Language from the Meiji Era to the Present. Honolulu: University of Hawaii Press, 2004. 216 p.
7. Matsumura Yoshiko, Kyoko Chinami, Naoko Yamaji. A Practical Guide to Japanese Politeness (translated from Japanese into Russian). A Practical Guide to Japanese Politeness. Kyushu University Press, Fukuoka, Japan, 2017. 156 p.
8. Mulekova L. Teaching Keigo in the educational process: problems of mastering respectful forms of Japanese speech and ways to overcome them. // "Foreign linguistics and linguodidactics". 2025. № 3. P. 79-88.
9. Makhmutova K.A. Inter-confessional agreement among youth // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 127-131.

Сулейман Канте

Аспирант второго курса.
Российский Университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы.

Руководитель

Бокерия С.А.

Кандидат юридических наук, доцент.
Российский Университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы.

Институциональная система реформирования ООН

Введение

Создание Организации Объединенных Наций в конце 2-й мировой войны вселило большие надежды после тяжелых последствий, от которых пострадало человечество. Как указано в преамбулах его устава с целью «предотвратить будущие поколения от бедствий войны». В пункте 1 статьи 1 «поддержание международного мира и безопасности», а также в пункте 4 той же статьи «быть центром, в котором согласовываются усилия наций для достижения общих целей, таких как мир и безопасность, для осуществления международного сотрудничества, для развития добрых отношений между нациями мира...». Однако после более чем полувекового существования организация сталкивается с огромными трудностями в обеспечении конкретных и актуальных ответов на глобальные, особенно самые насущные потребности. Изменяющийся характер глобальных реальностей требует адаптационного потенциала и соответствующих мер как для самой организации, так и для всех ее участников.

Организация Объединенных наций призвана сыграть жизненно важную роль в поддержании международного мира и безопасности. Усилия ООН необходимо поддерживать с помощью дипломатии, чтобы в срочном порядке противостоять множеству и разнообразию угроз, которые угрожают международному, на суше, на море, в воздухе, в космическом пространстве и киберпространстве с целью восстановления доверия, укрепления солидарности и углубления международного сотрудничества [1].

Под «институциональной системой реформы Организации Объединенных Наций» следует понимать совокупность изменений, запланированных или осуществленных в ее структуре управления (главные органы, механизмы принятия решений, Генеральный секретариат, Совет Безопасности, экономический и социальный совет), с тем чтобы сделать ее более эффективной, демократичной и отвечающей задачам развития XXI век. Чтобы сделать «институциональную систему реформы ООН» более эффективной, демократичной и адаптированной к задачам XXI века, основные направления изменений касаются структуры главных органов, их механизмов принятия решений и внутреннего управления (Секретариат, Совет Безопасности, ЭКОСОС), лучшая адаптация которых позволила бы достижение целей развития, мира и безопасности во всем мире.

Реформы, предусмотренные в рамках этого исследования, касаются Генеральной Ассамблеи (управление генеральным секретариатом, укрепление), Совета Безопасности (расширение, членский состав, право вето), экономического и социального совета (механизмы принятия решений и участие) с целью обеспечения общей согласованности институциональной системы.

Подход Нео-институционализма позволяет проанализировать типовые ситуации в этой реформе, несмотря на изменение геополитического контекста и появление определенных держав, которые поднимают вопросы представительства и институциональной легитимности.

Основываясь на длительных переговорах и постоянных тупиках, с 2008 года в соответствии с решением Безопасности Генеральной Ассамблеи (га) по вопросу о справедливом представительстве в Совете Безопасности без существенного прогресса, который мог бы привести к этой реформе; Неспособность Генеральной Ассамблеи (из-за процедур пересмотра, предусмотренных в статьях 108-109 устава, или из-за права вето 5 постоянных членов) осуществить надлежащие реформы, особенно те, которые касаются Совета Безопасности ; к этому следует добавить необходимость крупных структурных реформ ЭКОСОС для улучшения экономической и социальной координации. Таким образом, учет этих предпосылок в динамике необходимых реформ позволил бы повысить легитимность и эффективность Организации Объединенных Наций.

В этом исследовании определяются возможности и перспективы институциональной реформы Организации Объединенных Наций, в частности Генеральной Ассамблеи, Совета безопасности и экономического и

социального совета.

I. Укрепление роли Генеральной Ассамблеи в мировой политике

- Управление генеральным секретариатом: Генеральная Ассамблея состоит из всех членов Организации Объединенных Наций и может обсуждать любые вопросы или дела, подпадающие под действие устава Организации Объединенных Наций или относящиеся к полномочиям и функциям любого из органов, предусмотренных уставом Организации Объединенных Наций. Но можно отметить, что медлительность и отсутствие прозрачности влияют на эффективность Генерального секретариата в управлении текущими глобальными и зачастую даже самыми неотложными делами. С этой целью применение основополагающих принципов, изложенных в Уставе Организации Объединенных Наций, в частности статей 97, 98, 99 и 100 [2]. Они определяют генерального секретаря как высшее должностное лицо организации, независимое от какого-либо внешнего правительственного влияния и подотчетное только Организации Объединенных Наций, составляют гарантии надлежащего управления со стороны Генерального секретариата. С другой стороны, Секретариат Генеральной ассамблеи должен сосредоточить свои усилия на перспективах благого управления, которые требуют независимости, прозрачности, подотчетности и эффективности, в соответствии с восемью характеристиками: участие, консенсус, подотчетность, прозрачность, справедливость, инклюзивность, уважение к государству права и борьбы с коррупцией, продвигаемых ООН.

- Укрепление политической и директивной власти Генеральной Ассамблеи и улучшение координации с другими органами Организации Объединенных Наций:

Являясь главным совещательным и представительным органом Организации Объединенных Наций, в котором каждое государство имеет один голос, резолюции Генеральной Ассамблеи в принципе остаются необязательными, за исключением тех случаев, по вопросам (бюджетным и организационным). Несмотря на эту представительную легитимность Генеральной Ассамблеи, а также на действия ее генерального секретаря, которые в любом случае заключаются в том, чтобы предвидеть, предотвращать, осуждать, предотвращать [3, стр. 13]. Они, по-видимому, демонстрируют ее ограниченность перед лицом многоплановых кризисов, которые часто требуют немедленных и хорошо скоординированных ответов. Несмотря на это, можно констатировать, что Совет Безопасности

оказывает большое влияние на инициативность и эффективность Генеральной Ассамблеи, в том числе в определенной степени в процессах принятия решений. Таким образом, укрепление политической и директивной власти Генеральной Ассамблеи требует расширения или определенной автономии на уровне принятия решений. Это может позволить лучше сбалансировать ее отношения с Советом безопасности и другими органами. Это дало бы некоторую автономию Генеральной Ассамблее для лучшей координации приоритетов в области устойчивого развития, особенно по вопросам (экономическим, социальным, гуманитарным, связанными с правами человека) с участием государств-членов, включая наименее развитые страны, это также укрепило бы ее роль в мировой политике. [4, С. 3].

II. Совет Безопасности

- Оспариваемая эффективность:

Действия или ответные меры Совета безопасности в связи с кризисами в области безопасности считаются слишком запоздалыми и иногда даже избирательными, поскольку его авторитет зависит от согласия великих держав; кроме того, блокады со стороны этих великих держав подрывают его легитимность и делают ее еще более сомнительной. В результате можно утверждать, что произошло увеличение числа резолюций, не получивших единогласного одобрения, в том числе о продлении важных мандатов миротворческих операций, с менее чем 5% в 2011 году до 33, 3% в 2022 году постоянное сокращение политического пространства для активных и единых действий Совета безопасности. В ответ на новые и возникающие кризисы можно утверждать, что политическое пространство для активных и единых мер реагирования Совета безопасности сокращается. Эти события сопровождались усилением скептицизма со стороны некоторых принимающих государств в отношении операций по поддержанию мира, особенно в отношении миротворческих операций. В свете альтернатив, предлагаемых двусторонней поддержкой государств-членов ООН, включая развертывание частных структур безопасности или субрегиональными коалициями [5, С. 6-8]. В то же время мы можем наблюдать эволюцию сотрудничества или коалиции, часто параллельную операциям ООН по поддержанию мира. Некоторых государств с частным сектором в области безопасности и поддержания мира, например, в Мали, Центральноафриканской Республике или регулярные вооруженные силы были вынуждены сотрудничать с частными службами безо-

пасности [6, С. 6]. Возникновение таких явлений, как регионализация и приватизация задач по стабилизации и поддержанию мира, ставит перед Организацией объединенных наций новые дилеммы относительно того, следует ли и как сотрудничать с этими региональными державами или коалициями, особенно с теми, которые были созданы без участия Совета Безопасности [7].

- Проблема Реформа Совета Безопасности:

Необходимость реформирования Организации Объединенных Наций, в частности ее органов, является актуальной темой, и полезно напомнить, что в этой связи пересмотр устава является одной из основ с целью его адаптации к реалиям современного мира и характеру рисков, с которыми приходится сталкиваться. А именно, что все эти риски не являются военными (массовая миграция, изменение климата, фундаментализм, незаконный оборот наркотиков...) и что вопрос профилактики, очевидно, остается актуальным [8, С. 397–400]. Эти реформы вызывают ряд замечаний:

- Устав в его нынешнем виде предоставляет непропорционально большие полномочия Совету Безопасности, который менее приспособлен к современным реалиям мира и его изменениям, особенно пяти постоянным членам, чья способность блокировать любую резолюцию, которая может противоречить их интересам ; это означает приоритет национальных интересов над национальными. человеческие и международные интересы в определенных решениях, принятых Советом Безопасности [9, С. 262-265].

- Финансовая диспропорция между членами дает влияние определенным державам, которые могут влиять на принятие решений, следует отметить, что у организации нет собственных финансовых ресурсов, но бюджет состоит из взносов государств, которые варьируются в зависимости от возможностей этих же государств [10, С. 2-4].

- Что касается операций по поддержанию мира, то, по словам Катарины Коулман, в Организации Объединенных Наций можно выделить три иерархических уровня, которые формально и неформально распределяют влияние на операции по поддержанию мира: членство в Совете Безопасности, финансовые взносы и предоставление полицейского персонала и в войсках. Членство в Совете Безопасности приносит наибольшие дивиденды влияния, побуждая государства укреплять свою международную репутацию и стремиться к получению мест непостоянных членов; Финансовые взносы в ООН представляют собой еще одну

возможность для социального продвижения, стимулируя государства заручаться внутренней поддержкой для увеличения бюджетных ассигнований с целью укрепления своего неформального влияния; Наконец, взносы на полицейские и военные контингенты представляют собой канал влияния для государств, которые не являются ни членами Совета Безопасности, ни основными финансовыми донорами. Кроме того, оперативная реальность операций по поддержанию мира напрямую связана с национальной политикой и возможностями предоставляющих войска стран [11].

II. Предложения по реформе: Структура, полномочия, расширение состава, изменение принципов голосования

Любое предложение о реформе должно учитывать два аспекта: расширение членского состава Совета Безопасности и вопрос о праве вето

- расширение: Расширение членского состава Совета Безопасности можно представить несколькими способами:

- первым шагом было бы увеличение числа его постоянных членов. Это требование исходит в основном от Германии, Японии, Индии и Бразилии. Эти четыре государства также предлагают предоставить Африке одно постоянное место, чтобы увеличить число постоянных членов до десяти. Исходя из этого предложения, преимущество нового состава будет заключаться в расширении участия крупных представительных государств в процессе принятия решений в Совете.

- вторым возможным решением было бы увеличение числа мест непостоянных членов. Это требование исходит в основном от стран Юга, которые считают себя недостаточно представленными в Совете. Более представительный состав различных географических регионов позволил бы лучше охватить некоторые «забытые» конфликты, например, в Африке. Следует отметить, что увеличение числа мест непостоянных членов без увеличения числа постоянных членов поддерживается рядом стран, у которых нет шансов получить постоянное место, но которые опасаются предоставления такого места «тяжеловесу» в регионе (Пакистан и Индонезия по сравнению с Индией; Аргентина по сравнению с Бразилией; Италия по сравнению с Германией). По их мнению, «увеличение числа постоянных членов может служить только интересам нескольких стран в ущерб малым и средним странам, которые составляют подавляющее большинство членов ООН». Наряду с этим вторым предложением существует еще одно, которое заключалось бы в учреждении непостоян-

ных, но более длительных (например, четырехлетних) мандатов, которые были бы предоставлены государствам, которые особенно представительны регионального группы. Ее преимущество состояло бы в удовлетворении тех государств, которые не желают создания новых постоянных мест, и тех, кто хотел бы получить особый статус в Совете Безопасности. С другой стороны, это решение вызывает возражения со стороны малых государств, которые опасаются, что они никогда больше не войдут в Совет Безопасности, если будут созданы такие места.

- расширение на основе двух критериев, состоящее из:

- «активнее привлекать к принятию решений тех, кто вносит наибольший вклад в организацию в финансовом, военном и дипломатическом плане (...)

- «Предоставить место в процессе принятия решений странам, которые более репрезентативны с точки зрения численности населения для всех членов, и особенно для развивающихся стран» [12, С. 38-51].

- вопрос о праве вето:

Полная отмена права вето остается маловероятной из-за интересов постоянных членов, но целенаправленное регулирование могло бы повысить эффективность, не дестабилизируя институт. Однако в совокупности все реформы, касающиеся Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, для повышения эффективности и инициативности должны быть направлены на то, чтобы вето могущественных стран не было единственным и неповторимым способом необратимого влияния на все решения Совета Безопасности. Для этого необходимы независимые и обязательные общие руководящие принципы и правила, которые определяют, когда Организация Объединенных Наций обязана вмешиваться и/или применять санкции и т. д [13, С. 121-132].

III. Экономический и Социальный Совет (ЭКОСОС): Укрепление центральной роли ЭКОСОС в глобальном управлении в увязке с Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности ООН

Необходимо укрепить ЭКОСОС как основной орган по координации, обзору политики, политическому диалогу и принятию решений в области экономического и социального развития; вопросы (развитие, мир и безопасность, а также права человека) тесно взаимосвязаны. Экономические, социальные и культурные права были кодифицированы в международных и региональных договорах, это основные права, необходимые для существования человека. Эти права были подчеркнуты в статьях

22–27 Всеобщей Декларации прав человека (ВДПЧ) [14].

Организация Объединенных Наций должна усилить эту роль путем укрепления координации с экономическим и социальным Советом. Пакт о будущем, принятый Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в сентябре 2024 года, соответствует этому подходу, который позволил бы адаптировать международное сотрудничество к современным и будущим вызовам. [15]. Организация Объединенных Наций должна опираться на долгосрочное экономическое и социальное развитие путем принятия структурных программ поддержки государств, особенно развивающихся, для поддержания глобальной стабильности и предотвращения национальных и региональных вооруженных конфликтов, которые могут повлиять на международную безопасность. В резолюции 2282 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций от 2016 года подчеркивается важность подчеркивания связи между правами человека, миром и безопасностью и развитием в ее пункте 4 [16]; это означает, что без инициатив в области социально-экономического развития трудно достичь прочный мир. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [17], принятый в 1966 году Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций, рекомендовал создать условия, необходимые для осуществления этих прав. Гарантия этих основных прав человека должна ставиться в зависимость не только от военного или послевоенного периодов, но и от обычного времени чтобы лучше контролировать социальное неравенство. Однако в повестке дня Организации Объединенных Наций для мира эта категория прав практически не рассматривается, по мнению Кревена, это связано с особыми интересами международной политики.

Заключение

Эти институциональные реформы с участием главных органов ООН: Генеральной Ассамблеи (га), Совета безопасности (СБ) и экономического и социального совета (ЭКОСОС) закладывают основу для адаптации ООН к быстро меняющимся геополитическим вызовам и условиям.

Имеются все основания полагать, что укрепление компетенции и потенциала Генеральной Ассамблеи в области принятия решений позволило бы избежать паралича в отношении Совета Безопасности, включая голосование квалифицированным большинством в 2/3 голосов. Это помогло бы укрепить демократическую легитимность и справедливое

представительство в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Что касается Совета Безопасности, возможными реформами могут быть реформы, основанные на критериях расширения членского состава за счет государств, вносящих наибольший вклад в финансовом, военном и/или дипломатическом плане, с учетом стран, которые в большей степени представляют всех членов с точки зрения численности населения, особенно среди государств-членов менее развиты. Это предложение представляется более справедливым в том смысле, что оно позволит учесть чаяния всех членов, регионов и континентов. Ограничение или приостановление действия права вето в обмен на применение общих обязательных правил вмешательства Организации Объединенных Наций в случае массовых зверств или конфликтов с участием постоянного члена могло бы повысить эффективность.

Активизация ЭКОСОС привела бы к большей проактивности в экономической и социальной координации, усилению контроля со стороны международных финансовых институтов и обновлению повестки дня в отношении Целей устойчивого развития путем внедрения культуры системного сотрудничества в системе ООН.

Организация Объединенных Наций играет центральную роль в международных отношениях и в глобальном управлении; таким образом, его неэффективность и неспособность дать конкретные ответы на эти многогранные проблемы в мире напрямую влияют на мировой порядок, поддержание мира и, прежде всего, на развитие добрых отношений между странами мира. Ее реформа является фундаментальным приоритетом для достижения общих целей, стабильности и глобального развития.

Список литературы:

1. Озимок Д.В. Правовые основы реформы ООН: позиция России в условиях трансформации международного порядка / Д.В. Озимок, О.С. Лейнова // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2026. № 3 (165).
2. Рыбальченко К.А. Кризис глобального управления ООН: проблемы функционирования и возможные противоречия при проведении реформ / К.А. Рыбальченко, К.И. Тен // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2024. № 1 (187). С. 105-112.
3. Матушевская В.И. Роль регионального фактора в дискуссиях о реформе Совета Безопасности ООН / В.И. Матушевская // *Академия НСО-2023: Сборник статей, подготовленных в рамках Академии НСО-2023, Москва, 15 июня – 31 2023 года.* – Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет), 2023. С. 181-189.
4. Никитенко Д.А. Реформы ООН в XXI веке: необходимость и возможности / Д.А. Никитенко // *Архитектура международных отношений в XXI веке и глобальные тренды современности: теория и реальность: Материалы XIV Международной научно-практической конференции, Тверь, 21 ноября 2024 года.* – Тверь: Тверской государственный университет, 2025. С. 99-100.
5. Karlsrud J. 'Pragmatic Peacekeeping' in Practice: Exit Liberal Peacekeeping, Enter UN Support Missions? *Journal of Intervention and Statebuilding*, 2023. № 17 (3). P. 258-272. // URL: <https://doi.org/10.1080/17502977.2023.2198285> (07.01.2025)

6. Kennes and Wilén, Multilayered violence in the DRC: Is History Repeating Itself? Institut Montaigne, January 27, 2023. // URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/multi-layered-violence-drc-history-repeating-itself>. (04.02.2026)
7. Лошкарев И.Д. Реформа Совета Безопасности ООН: позиция африканских стран / И.Д. Лошкарев, В.В. Жучков // Вестник Брянского государственного университета. 2024. № 2(60). С. 79-85.
8. Озимок Д.В. Проблемы функционирования ООН в современных условиях: вызовы, противоречия и пути реформирования / Д. В. Озимок, Г. Ю. Лутошкин // Современный ученый. 2025. № 4. С. 393-400.
9. FUCHS, CHRISTIAN. "The United Nations, Human Rights, and World Peace." *World War and World Peace in the Age of Digital Capitalism*, University of Westminster Press, 2025, P. 247-72. // URL: <http://www.jstor.org/stable/10.16997/mpub.13082283.12>. (8 January. 2026)
10. Berg, Ryan C., et al. Striving for Seriousness: Brazil's Inclusion and Exclusion from the World Order. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2025. // URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep73357>. (24 January. 2026).
11. Кириенко Ф.П. Проект Группы Четырех (G4) по реформированию Совета Безопасности ООН. Современное состояние и возможности реализации / Ф.П. Кириенко // Форум молодых ученых. 2025. № 6 (106). С. 187-189.
12. Поломарчук Б.В. Реформирование ООН в контексте глобальных вызовов и международной безопасности / Б.В. Поломарчук // Вестник Торайгыров университета. Гуманитарная серия. 2023. № 3.2023. С. 38-51.
13. Dyson T., Tull J., & van der Vorm M. Battlefield knowledge and barracks reality: Learning practices within the Netherlands Army. *Journal of Strategic Studies*, 2026. № 49 (1). P. 112-138. // URL: <https://doi.org/10.1080/01402390.2025.2521287> (14 January. 2026).
14. Право международных организаций: Учебник / А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев, А. Никэз [и др.]. – 2-е изд., пер. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. 565 с.
15. Mboh N.A. P.L. What reform model for the Security Council to comply with the requirements of SDG 16 on good global governance? / N.A. P.L. Mboh, Y. Frank-Valere // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2025. № 2. Р. 11-14.
16. Гребенник П.Д. Реформа Совета Безопасности ООН - инструмент построения современного мироустройства: позиция Российской Федерации / П.Д. Гребенник // Океанский менеджмент. 2026. № S1 (34). С. 54-57.
17. Булаев А.К. Реформы Совета Безопасности ООН: вызовы и перспективы / А.К. Булаев // Академия права. 2024. № 2 (5). С. 38-42.
18. Луговская М.Ю. Графический эксперимент: смысловая полифункциональность дефиса при оформлении лексико-синтаксических окказионализмов // Власть истории и История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 32-40.

Bibliography

1. Ozimok D.V. Legal Foundations of the UN Reform: Russia's Position in the Context of the Transformation of the International Order / D.V. Ozimok, O.S. Leinova // *International Research Journal*. 2026. № 3 (165).
2. Rybalchenko K.A. The Crisis of the UN Global Governance: Problems of Functioning and Possible Contradictions in Carrying Out Reforms / K.A. Rybalchenko, K.I. Ten // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2024. № 1 (187). P. 105-112.
3. Matushevskaya V.I. The Role of the Regional Factor in Discussions on the Reform of the UN Security Council / V.I. Matushevskaya // *NSO-2023 Academy: Collection of articles prepared within the framework of the NSO-2023 Academy*, Moscow, June 15-31, 2023. – Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University), 2023. P. 181-189.
4. Nikitenko D.A. UN Reforms in the 21st Century: Necessity and Possibilities / D.A. Nikitenko // *The Architecture of International Relations in the 21st Century and Global Trends of Our Time: Theory and Reality: Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference*, Tver, November 21, 2024. – Tver: Tver State University, 2025. P. 99-100.
5. Karlsrud J. 'Pragmatic Peacekeeping' in Practice: Exit Liberal Peacekeeping, Enter UN Support Missions? *Journal of Intervention and Statebuilding*, 2023. № 17 (3). P. 258-272. // URL: <https://doi.org/10.1080/17502977.2023.2198285> (07.01.2025)
6. Kennes and Wilén, Multilayered violence in the DRC: Is History Repeating Itself? Institut Montaigne, January 27, 2023. // URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/multi-layered-violence-drc-history-repeating-itself>. (04.02.2026)
7. Loshkarev I.D. UN Security Council Reform: The Position of African Countries / I.D. Loshkarev, V.V. Zhuchkov // *Bulletin of Bryansk State University*. 2024. № 2 (60). P. 79-85.
8. Ozimok D.V. Problems of the UN's Functioning in Modern Conditions: Challenges, Contradictions, and Paths to Reform / D.V. Ozimok, G.Yu. Lutoshkin // *Sovremennyy Scientist*. 2025. № 4. P. 393-400.

9. FUCHS, CHRISTIAN. "The United Nations, Human Rights, and World Peace." *World War and World Peace in the Age of Digital Capitalism*, University of Westminster Press, 2025, P. 247-72. // URL: <http://www.jstor.org/stable/10.16997/mpub.13082283.12>. (8 January 2026)
10. Berg, Ryan C., et al. *Striving for Seriousness: Brazil's Inclusion and Exclusion from the World Order*. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2025. // URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep73357>. (24 January. 2026).
11. Kiriienko, F.P. The Group of Four (G4) Project on Reforming the UN Security Council. Current Status and Implementation Possibilities / F.P. Kiriienko // *Forum of Young Scientists*. 2025. № 6 (106). P. 187-189.
12. Polomarchuk, B.V. Reforming the UN in the Context of Global Challenges and International Security / B.V. Polomarchuk // *Bulletin of Toraigyrov University. Humanitarian Series*. 2023. № 3.2023. P. 38-51.
13. Dyson T., Tull J., & van der Vorm M. Battlefield knowledge and barracks reality: Learning practices within the Netherlands Army. *Journal of Strategic Studies*, 2026. № 49 (1). P. 112-138. // URL: <https://doi.org/10.1080/01402390.2025.2521287> (14 January 2026).
14. *Law of International Organizations: Textbook* / A.Kh. Abashidze, A.M. Solntsev, A. Nikez [et al.]. – 2nd ed., trans. and add. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 565 p.
15. Mboh N.A. P.L. What reform model for the Security Council to comply with the requirements of SDG 16 on good global governance? / N.A. P.L. Mboh, Y. Frank-Valere // *Electronic online publication "International Legal Courier"*. 2025. № 2. P. 11-14.
16. Grebennik P.D. Reform of the UN Security Council - an instrument for building a modern world order: the position of the Russian Federation / P.D. Grebennik // *Ocean Management*. 2026. № S1 (34). P. 54-57.
17. Bulaev A.K. Reforms of the UN Security Council: Challenges and Prospects / A.K. Bulaev // *Academy of Law*. 2024. № 2 (5). P. 38-42.
18. Lugovskaya M.Yu. Graphic experiment: semantic polyfunctionality of the hyphen in the design of lexical-syntactic occasionalisms // *The power of history – History of power*. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 32-40.

Ци Лили

Преподаватель, Хэйхэский университет.
Заместитель декана, Институт культурного туризма, г. Хэйхэ, Китай.

Культурный суверенитет и индустрия этнической культуры приграничных территорий в контексте устойчивого развития – на примере провинции Хэйлунцзян (КНР)

Финансирование: работа выполнена при поддержке специального научно-исследовательского проекта Хэйхэского университета (провинция Хэйлунцзян) для базовых научных исследований в вузах (номер проекта: 2025-KYYWF-RWSK-535). Название проекта: «Исследование путей высококачественного развития индустрии этнической культуры провинции Хэйлунцзян в контексте стратегии “культурной державы”».

I. Введение

В условиях углубляющейся глобализации культурный суверенитет становится важной составляющей национальной безопасности и устойчивого регионального развития. Вопрос о том, как посредством развития индустрии этнической культуры одновременно сохранять культурное разнообразие и стимулировать социально-экономическое процветание приграничных территорий, является стратегической задачей, стоящей перед Китаем и Россией. Провинция Хэйлунцзян расположена в центре Северо-Восточной Азии, граничит с Россией и имеет протяжённую границу длиной 2981 км. Здесь проживают многочисленные этнические меньшинства, такие как хэчжэ, орочоны, эвенки, корейцы и другие. В ходе длительного исторического развития они создали уникальное культурное наследие, являющееся важной частью сокровищницы китайской культуры. В свою очередь, в регионах Сибири и Дальнего Востока России также проживают трансграничные этносы, такие как нанайцы и эвенки, сталкивающиеся с аналогичными возможностями и вызовами в сфере сохранения и развития этнической культуры.

XIX съезд Коммунистической партии Китая выдвинул стратегическую цель «стимулирования творческого потенциала всей нации и построения социалистической культурной державы», а Пятый пленум XIX созыва определил задачи: «поднимать знамя, объединять народ, воспитывать новое поколение, развивать культуру и формировать образ». В этих условиях развитие индустрии культуры в приграничных этнических районах провинции Хэйлунцзян является не только экономическим, но и стратегическим вопросом, связанным с культурным суверенитетом и устойчивым развитием региона. На основе примера Хэйлунцзяна данная работа вносит эмпирический вклад в научную дискуссию, рассматривая, каким образом индустрия этнической культуры может одновременно обеспечивать культурный суверенитет и выступать внутренним драйвером устойчивого развития приграничных территорий.

II. Переосмысление и трансформация культурных традиций как основа развития культурной индустрии приграничных территорий

В служении задаче построения «культурной державы» прежде всего необходимо осуществить креативную трансформацию культурных традиций индустрии этнической культуры приграничных районов провинции Хэйлунцзян. Культурные традиции этих регионов отражают ценностные установки и духовные устремления, сформированные в определённых исторических условиях. Их творческое преобразование и формирование ценностной идентичности новой эпохи являются ключом к решению рассматриваемых проблем [1].

(I) Трансформация ценностных установок

Ценностные установки являются ядром преемственности традиционной культуры. Индустрия этнической культуры приграничных районов провинции Хэйлунцзян укоренена в традиционной китайской культуре и в ходе исторического развития сформировала культурные формы, выражающие коллективную память через телесно-двигательные практики. Её ценностные ориентиры в основном проявляются в принципах единства человека и природы, справедливости и равенства, а также в нормах гуманности, долга и ритуала [2].

Трансформация целостного мировоззрения «единства человека и природы» требует акцентирования гармонии между человеком и природой, а также между человеком и обществом. Традиционные ремёсла, такие как изготовление изделий из рыбьей кожи у народа хэчжэ или изделия

из бересты у орочонов, должны не только сохранять технологию, но и передавать стоящие за ними ценности гармоничного сосуществования человека и природы, позволяя потребителям глубже осознавать привлекательность традиционной культуры и укреплять культурную уверенность.

Трансформация норм социального поведения, основанных на принципах гуманности, долга и ритуала, требует отражения современных ценностей в поведенческих стандартах. В процессе построения культурной державы необходимо усиливать направляющую роль этих норм, чтобы в ходе знакомства с этнической культурой у потребителей формировалось культурное самосознание, а духовное содержание традиционной культуры становилось внутренним убеждением и внешним поведением.

Трансформация норм социальной справедливости требует акцентирования регулятивных принципов во взаимоотношениях между людьми, обществом и государством. Такие традиционные деловые ценности, как «добросовестное ведение бизнеса» и «приоритет качества», присущие индустрии этнической культуры приграничных районов Хэйлунцзяна, должны сочетаться с современными правовыми нормами, формируя китайскую модель моральных и коммерческих стандартов и способствуя созданию справедливой рыночной среды [3].

Благодаря трансформации ценностей, направлению поведенческих норм и утверждению социальных ценностей в индустрии этнической культуры приграничных районов Хэйлунцзяна постепенно формируется благоприятная модель развития, основанная на культурном самосознании, уверенности и самодостаточности, что способствует консолидации общественного единства в приграничных регионах.

(II) Трансформация образовательной системы

Наследование и развитие традиционной культуры в новую эпоху невозможно без поддержки системы образования. Исследования показывают, что «влияние движения национальной культуры на развитие современной культурной индустрии проявилось прежде всего в включении народной традиционной культуры в образовательный процесс, благодаря чему она заняла своё место в системе школьного образования». С самого начала формирования индустрии этнической культуры в приграничных районах Хэйлунцзяна образование стало основным каналом её распространения и передачи.

Трансформация содержания образования является первоочеред-

ной задачей. На протяжении длительного времени образование, ориентированное на «индустриальный» подход, либо ограничивалось освоением приёмов и техник, либо сосредотачивалось на формировании «навыков», что приводило к поверхностности обучения. Система содержания, служащая задачам построения культурной державы, должна включать трёхуровневую структуру: систему двигательных навыков, отражающую телесно-культурные характеристики; систему речевых и технических методов, отражающую организационно-культурные свойства; и систему воспитания «добродетели», отражающую духовно-культурное содержание.

Не менее важна трансформация образовательных целей. Размытость традиционных образовательных целей приводит к отсутствию целенаправленного отбора содержания передачи культурных традиций; недостаточное внимание к влиянию культуры на развитие личности снижает интерес обучающихся; игнорирование потребностей общественного развития уменьшает значимость образования. В рамках стратегии «культурной державы» необходимо чётко формулировать образовательные цели, учитывать влияние традиционной культуры на всестороннее развитие личности и ориентироваться на формирование культурной уверенности, чтобы образование в сфере этнической культуры выполняло свою роль в сохранении и развитии традиционного культурного наследия.

(III) Трансформация проектной системы

Широкое распространение культуры является важным условием её процветания. Креативная трансформация системы культурных проектов, а также создание и продвижение системы мероприятий и конкурсов являются эффективным путём реализации стратегии культурной державы как внутри страны, так и за её пределами.

Креативная трансформация системы проектов культурной индустрии представляет собой важный путь эффективного распространения традиционной культуры. От традиционных ремёсел к современным продуктам культурной креативной индустрии: например, картины из рыбьей кожи народа хэжэ трансформировались из утилитарных изделий в произведения искусства, а изделия из бересты у орочонов — из предметов быта в культурные символы. Глубокое осмысление культурного содержания проектов и их творческая трансформация позволяют в полной мере раскрыть уникальную ценность традиционной культуры.

Креативная трансформация конкурсной культуры является важным

выбором в новую эпоху. В отличие от западной культурной индустрии с её развитой системой соревнований, традиционная культура приграничных районов Хэйлунцзяна в большинстве случаев не сформировала стандартизированной «соревновательной» системы. В процессе трансформации необходимо сохранять сущность традиционной культуры и одновременно внедрять инновации, развивая конкурсы мастерства, креативного дизайна, фольклорных выступлений и другие формы, привлекающие внимание широкой аудитории.

Расширение распространения на международном уровне и знакомство мира с Китаем являются важными каналами культурной коммуникации. Цель построения культурной державы заключается не в навязывании определённой культурной формы, а в достижении взаимного уважения и понимания между культурами через демонстрацию выдающихся традиций. В процессе выхода на международную арену необходимо избегать восприятия как «культурной гегемонии» и добиваться того, чтобы мировое сообщество принимало китайскую культуру добровольно.

III. Инновация и репрезентация культурной привлекательности как стратегический выбор формирования образа приграничных территорий

Отражение современного облика через традиционную культуру является внутренним требованием стратегии построения культурной державы. Индустрия этнической культуры приграничных районов провинции Хэйлунцзян должна обновлять социально-культурную привлекательность, демонстрируя образ китайского общества; трансформировать привлекательность ритуально-институциональной культуры, отражая институциональный облик; а также раскрывать духовную культурную привлекательность, формируя духовный образ [4].

(I) Трансформация социальной культурной привлекательности

Социальная культурная привлекательность индустрии этнической культуры приграничных районов провинции Хэйлунцзян представляет собой культурную характеристику, отражающую особенности эпохи. В условиях новой эпохи она должна воплощать китайскую специфику и демонстрировать образ китайского общества.

Креативная трансформация культурной индустрии должна способствовать формированию образа «здорового Китая». В прошлом упрощённые способы распространения этнической культуры, а также художественная интерпретация в кино и телевидении приводили к искажению

её восприятия [5]. В новой эпохе посредством инноваций в системе мероприятий, расширения международного распространения и проведения массовых культурных событий предпринимаются усилия по формированию подлинного образа «здорового Китая».

Креативная трансформация культурной индустрии должна способствовать формированию образа «процветающего Китая». Это предполагает охват как территориального, так и социального измерения: создание центров демонстрации и площадок культурного опыта в городах и сельской местности для отражения материального благополучия; распространение этнической культуры через систему образования и массовые культурные мероприятия для демонстрации благосостояния народа.

Креативная трансформация культурной индустрии должна способствовать формированию образа «цивилизованного Китая». Во-первых, необходимо следовать научным закономерностям, во-вторых — сохранять рациональный подход. Под «научностью» понимается соответствие современным законам развития культурной индустрии, а под «рациональностью» — отказ от феодальных пережитков. Только при соблюдении этих принципов этническая культурная индустрия сможет подлинно отразить образ цивилизованного Китая.

(II) Трансформация ритуально-институциональной культурной привлекательности

Ритуально-институциональная культурная привлекательность индустрии этнической культуры приграничных районов провинции Хэйлунцзян отражает особенности институционального строя эпохи. В условиях современной системы китайской культуры она должна демонстрировать образ социалистической системы с китайской спецификой.

Преимущества системы прежде всего проявляются в сохранении и защите традиционной культуры. Начиная с первой Всекитайской конференции по народной культурной индустрии в 1982 году, на которой был выдвинут курс «представления китайской народной культурной индустрии миру», и до «Плана развития культурной индустрии» 2019 года [6], подчёркивающего необходимость сохранения её духа, был принят ряд нормативных документов, обеспечивающих прочную институциональную основу развития. Само развитие индустрии этнической культуры в приграничных районах Хэйлунцзяна является отражением преимуществ китайской системы.

Преимущества системы также проявляются в открытости и иннова-

ционности культуры. Опыт реформ и политики открытости показывает, что развитие возможно только в условиях открытости. В «14-й пятилетке» подчёркивается необходимость руководствоваться принципом «открытости» в социальном развитии. Креативная трансформация индустрии этнической культуры приграничных районов Хэйлунцзяна должна придерживаться этого принципа, заимствуя полезные элементы других культур, адаптируясь к требованиям разных эпох и социальных групп, развиваясь через открытость и взаимодействие.

(III) Трансформация духовной культурной привлекательности

Богатая духовная культурная привлекательность, присущая индустрии этнической культуры приграничных районов провинции Хэйлунцзян, проистекает из глубокой традиции китайской цивилизации. Как отмечают исследователи: «народная культурная индустрия как форма культуры пронизана сущностными элементами традиционной философии, китайской медицины, эстетики и этики, отражая дух китайской нации, её характер, уникальные эстетические представления, модели поведения и образ мышления» [7].

С одной стороны, необходимо сохранять лучшие элементы традиционной духовной культуры. Такие ценности, как «стремление к совершенству», «честность и соблюдение обещаний», «уважение к природе», содержащиеся в этнических ремёслах, способствуют повышению нравственного уровня личности и укреплению социальной сплочённости. Следует максимально раскрывать эти позитивные компоненты, устраняя устаревшие элементы и демонстрируя уникальный духовный облик китайской культуры.

С другой стороны, необходимо развивать и обновлять традиционную культуру в соответствии с требованиями эпохи. Требуется всесторонне осмыслить содержание концепции «культурной уверенности» и раскрыть новые перспективы и пространства её применения в развитии культурной индустрии. На духовном уровне важно обеспечить её глубокую интеграцию с основными социалистическими ценностями, способствуя строительству духовной цивилизации новой эпохи и формируя национальный культурный образ.

IV. Формирование культурных брендов и развитие культуры эпохи

Создание культуры эпохи является важной составляющей стратегии построения культурной державы. Индустрия этнической культуры приграничных районов провинции Хэйлунцзян должна формировать куль-

турные бренды, соответствующие требованиям времени, сосредоточив внимание на трёх аспектах: создании брендового образа, конструировании символики бренда и позиционировании его содержательного ядра.

(I) Формирование брендового образа

Образ культурного бренда определяется тем, какое именно представление выступает его символическим воплощением. Индустрия этнической культуры приграничных районов провинции Хэйлунцзян, являясь представителем традиционной китайской культуры, хорошо известна внутри страны и благодаря своей уникальной этнической специфике привлекает внимание международного сообщества. Эффективное использование данного брендового преимущества является важным путём развития культуры эпохи.

Создание брендового образа, ориентированного на культурный опыт. С повышением уровня жизни значительно возрос спрос на культурное потребление, что стимулировало развитие рынка. Такие проекты, как «опыт изготовления изделий из рыбьей кожи народа хэчжэ» и «изготовление изделий из бересты у орочонов», постепенно приобретают брендовый эффект. Другие проекты также должны раскрывать свой потенциал в сфере культурного опыта, адаптируясь к требованиям времени.

Создание брендового образа, ориентированного на культурную демонстрацию. С наступлением эпохи конвергентных медиа бренды культурных мероприятий привлекают широкое внимание. На государственном уровне разработаны планы развития, предусматривающие «создание ряда известных на национальном уровне культурных брендовых мероприятий». В процессе формирования брендового образа необходимо также ориентироваться на повышение качества и уровня исполнения.

Кроме того, следует рассматривать возможности формирования диверсифицированных брендовых образов, включая культурный туризм, культурный досуг и креативные индустрии, что позволит выработать комплексную модель развития.

(II) Конструирование символики бренда

Символика бренда является базовым элементом дифференциации продукции или услуг и включает название, логотип, слоган, символические образы, представителей бренда и другие компоненты, представляя собой концентрированное выражение его ключевых ценностей. Формирование символики бренда индустрии этнической культуры приграничных районов провинции Хэйлунцзян должно учитывать её культурно-и-

сторическое значение в контексте современной эпохи.

В практике формирования брендов этнической культурной индустрии существуют как успешные примеры рыночной реализации, так и формы, иницируемые преимущественно государственными структурами. Первые ориентированы на рыночный отклик и достигают значительных успехов в брендинге; вторые уделяют больше внимания нормативности и сохранению традиционной культуры, играя важную роль в её распространении. Например, ряд брендов этнических ремёсел формируется на основе этнических названий и региональной специфики, тогда как некоторые культурные мероприятия строятся вокруг духовных ценностей этноса.

Анализ текущего состояния формирования символики бренда выявляет ряд проблем: во-первых, недостаточная самостоятельность брендов, что ограничивает рыночную активность; во-вторых, недостаточный уровень диверсификации, особенно в условиях глобальной культурной многополярности; в-третьих, необходимость инновационного обновления традиционных культурных брендов при сохранении их исторической основы.

(III) Позиционирование содержательного ядра бренда

Ключевое значение имеет определение содержательного ядра бренда. В новую эпоху позиционирование содержания брендов индустрии этнической культуры приграничных районов провинции Хэйлунцзян представляет собой процесс их преобразования, продвижения и популяризации, направленный на формирование у общества понимания и добровольного принятия. Содержательное ядро бренда отражает его ключевые ценности, и только точное позиционирование на разных уровнях позволяет добиться успешного брендинга.

Позиционирование через репрезентацию многообразных культурных форм. Индустрия этнической культуры приграничных районов Хэйлунцзяна отличается «богатством и многообразием» и требует «концептуально выверенного проектирования, позволяющего превратить китайскую народную культурную индустрию в мощное дерево, способное полноценно нести китайскую культуру». Необходимо осуществить комплексную систематизацию философских оснований традиционной культуры, поддерживающихся в индустрии, и найти формы выражения, которые одновременно отражают традицию и воплощают инновации эпохи.

Позиционирование бренда как средства демонстрации китайской культуры миру. Международное распространение этнической культуры

позволяет вывести традиционную культуру из состояния замкнутости и внести вклад в мировое культурное разнообразие. При этом интернационализация должна опираться на базовые принципы китайской культуры и обеспечивать сохранение её традиций. В процессе формирования бренда важно избегать упрощённого подхода, рассматривающего его как инструмент «культурного экспорта»; необходимо в полной мере раскрывать культурную привлекательность Китая, позволяя мировому сообществу узнавать страну через индустрию этнической культуры приграничных районов провинции Хэйлунцзян [8, 9].

V. Заключение

Практика высококачественного развития индустрии этнической культуры приграничных районов провинции Хэйлунцзян показывает, что в контексте культурного суверенитета данная индустрия может выступать внутренним драйвером устойчивого развития приграничных территорий. Посредством переосмысления и трансформации культурных традиций достигается консолидация общественного сознания; посредством инновации и раскрытия культурной привлекательности формируется образ эпохи; посредством создания культурных брендов развивается культура современности. Ключевая логика этого «китайского опыта» заключается в сохранении культурной субъектности, развитии в условиях открытости и преемственности через инновации, что позволяет традиционной культуре обрести новую жизнеспособность в процессе модернизации.

Список литературы:

1. Ван Чжихуэй. Конструирование сакральных образов: многомерные пространственные смыслы формирования культурной памяти // Вестник Пекинского института культуры. 2021. Т. 44. № 4. С. 153-163.
2. Ло Шимин. Всеобщая история китайской культуры. Том 3. Пекин: Издательство «Жэньминь вэньхуа», 2008. С. 233.
3. Комитет по культурной и исторической работе КНР. История древней китайской культуры. Пекин: Издательство Пекинского института культуры, 1990. С. 11-12.
4. Люй Сюйтао. Оценка международного распространения народной культуры // Культурологические исследования. 2018. № 1. С. 2.
5. Ли Юань, Ван Ган, Чжу Жуйци. Причины формирования негативного образа китайской культуры и его переосмысление // Вестник Пекинского института культуры. 2013. № 9. С. 39.
6. Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. План развития культурной индустрии (2019–2025 гг.) [Электронный ресурс].
7. Ван Ган, Чэнь Баосюэ, Ма Вэньцзе. «Культурная уверенность» в новую эпоху и «новый старт» китайской культуры // Вестник Пекинского института культуры. 2018. Т. 41. № 8. С. 9-16.
8. Ло Инцзин, Ян Цзяньин. Практика распространения «кунг-фу» Ли Сяолуном за рубежом и её значение для преодоления трудностей в продвижении китайской культуры // Искусство и технологии. 2021. Т. 42. № 3. С. 64-70.
9. Ван Ган, Цю Вансян. Стратегии интернационализации культуры: сохранение и преодоление традиции // Искусство и технологии. 2005. № 4.

10. Ткаченко В.В. Режиссура высоких идей: технологии подготовки и проведения празднования 80-летия победы в Ленинградской области // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 52-59.

Bibliography

1. Wang Zhihui. Construction of Sacred Images: Multidimensional Spatial Meanings of Formation of Cultural Memory // Bulletin of the Beijing Institute of Culture. 2021. Vol. 44. № 4. P. 153-163.
2. Luo Shimin. General History of Chinese Culture. Vol. 3. Beijing: Renmin Wenhua Publishing House, 2008. P. 233.
3. Committee for Cultural and Historical Work of the PRC. History of Ancient Chinese Culture. Beijing: Publishing House of the Beijing Institute of Culture, 1990. P. 11-12.
4. Lü Xutao. Assessment of the International Spread of Folk Culture // Cultural Studies. 2018. № 1. P. 2.
5. Li Yuan, Wang Gang, Zhu Ruiqi. Reasons for the Formation of a Negative Image of Chinese Culture and Its Rethinking // Bulletin of the Beijing Institute of Culture. 2013. № 9. P. 39.
6. The Central People's Government of the People's Republic of China. Cultural Industry Development Plan (2019–2025) [Electronic resource].
7. Wang Gang, Chen Baoxue, Ma Wenjie. "Cultural Confidence" in the New Era and a "New Start" for Chinese Culture // Bulletin of the Beijing Institute of Culture. 2018. Vol. 41. № 8. P. 9-16.
8. Luo Yingjing, Yang Jianying. Li Xiaolong's Practice of Spreading "Kung Fu" Abroad and Its Significance for Overcoming Difficulties in Promoting Chinese Culture // Art and Technology. 2021. Vol. 42. № 3. P. 64-70.
9. Wang Gang, Qiu Wanxiang. Strategies for the Internationalization of Culture: Preserving and Overcoming Tradition // Art and Technology. 2005. № 4.
10. Tkachenko V.V. Directing high ideas: technologies of preparation and celebration of the 80-th anniversary of victory in the Leningrad Region // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 52-59.

Чэнь Бин

Аспирант кафедры «Публичной политики
и истории государства и права». ФГАОУ ВО
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

Ассоциация корейских культурных центров Узбекистана в двухсторонних отношениях Узбекистана и республики Корея: история и перспективы

С момента своего основания в 1991 г. Ассоциация корейских культурных центров Узбекистана (далее – Ассоциация) прошла путь от культурно-просветительского клуба до разветвленной организации, объединяющей 23 региональных отделения в городе Ташкенте, Ташкентской, Андижанской, Бухарской, Джизакской, Навоийской, Наманганской, Сырдарьинской, Ферганской, Хорезмской областях и в Республике Каракалпакстан [4]. Как подчеркивает А.В. Воронцов, анализируя монографию В.С. Хана, именно в постсоветский период корейская диаспора Центральной Азии обрела институциональные формы, позволившие ей перейти от пассивного сохранения этничности к активной роли посредника между страной проживания и исторической родиной [1, с. 375-376]. Материалы официального портала Комитета по вопросам межнациональных отношений фиксируют, что 3 июля 2017 г. в Сеульском парке (парк «Дружбы», Ташкент) силами Ассоциации был установлен памятник «За искренность и доброту узбекского народа», ставший первым публичным мемориалом, инициированным диаспорой без участия государственных структур [4]. Этот монумент, как отмечают М.О. Дмитриева и Т.Г. Троякова, стал важным символом трансформации идентичности: память о депортации 1937 г. переосмысливается через признание узбекского гостеприимства [2, с. 52-54].

Следующим этапом инфраструктурной дипломатии стало открытие 20 апреля 2019 г. Дома корейской культуры в Ташкенте – церемония прошла при личном участии президентов Шавката Мирзиёева и Мун Чжэ Ина, что, по наблюдению А.В. Воронцова, зафиксировало переход диаспоральной активности в ранг государственной политики [1, с. 378]. В

этом же году Киноакадемия Республики Корея организовала на базе Ассоциации краткосрочные режиссерские курсы для узбекских корейцев, что расширило образовательный функционал организации [4]. Данный проект, как будет показано далее, стал предтечей более масштабных образовательных инициатив, развернутых при участии KOICA и Фонда зарубежных корейцев (OKF) в 2024–2026 гг. [5].

Современная образовательная деятельность Ассоциации и ее партнеров имеет строго измеримые результаты, которые подробно документированы в материалах исследовательского проекта «Отношения между Узбекистаном и Кореей: прошлое, настоящее и перспективы в контексте глобальных вызовов» (далее – проект ИПМИ) [5]. Согласно сводке 2025 г., корейский язык преподается в 12 вузах и 48 школах и лицеях Узбекистана [4]. Однако более детальную информацию о конкретных учебных заведениях и партнерских программах предоставляют аналитические отчеты, подготовленные в рамках проекта ИПМИ.

В частности, среди образовательных учреждений, сотрудничающих с Ассоциацией, выделяется лицей «*International House Tashkent*», где 23 ноября 2024 г. были открыты первые в стране классы HANCOM ACADEMY – южнокорейского разработчика программного обеспечения, в которых обучение корейскому языку, английскому и информационным технологиям ведется по стандартам компании HANCOM Inc. [5]. Также в перечне вузов-партнеров значится *Kimyo International University in Tashkent (KIUT)* – первый частный университет, созданный в 2018 г. на основе соглашения между правительствами Узбекистана и Южной Кореи (первоначально он функционировал как *Yeoju Technical Institute*); в структуре KIUT действует факультет образования с программой «Корейская филология» [5].

Кроме того, в Юксалишском районе Ташкентской области функционирует AKITA – *Korea IT Alliance Academy* – факультет, открытый в партнерстве с Туринским политехническим университетом и Университетом Еннам (*Yeungnam University*, Корея), основные направления которого включают беспроводную связь, искусственный интеллект и медиадизайн [5]. Все эти данные, как подчеркивается в исследовательских материалах проекта ИПМИ, были систематизированы при участии экспертов Ассоциации, входивших в состав исследовательской группы проекта – проф. Валерия Хана, д-ра Акрама Умарова, Мехринисо Абдурасуловой, Хамзы Болтаева, Исломхона Гафарова, Ольги Хан и Зиедудлы Пулатходжаева [5].

Параллельно в 2024–2027 г. реализуется проект *Корейского агентства международного сотрудничества (KOICA) – «Совершенствование преподавания корейского языка и культуры»* на базе Узбекского государственного университета мировых языков (УзГУМЯ). Бюджет проекта составляет 1 116 000 долларов США, из которых 155 000 долларов направлены на создание *Корейского центра культуры и образования* (открыт 21 апреля 2026 г.), а 145 000 долларов – на укрепление материально-технической базы [5]. В рамках проекта в Узбекистан будут направлены 70 волонтеров (5 этапов; по состоянию на апрель 2026 г. прибыли 38). Их задачи включают ведение кружков по тхэквондо, традиционным танцам (включая «*Samulnori*») и *K-pop*, а также внедрение AI-приложения для изучения языка КОКОА [5]. Кроме того, КОИКА финансирует цифровой проект «*Создание цифровой платформы для объектов культурного наследия Узбекистана*» с бюджетом 8,49 млн долларов США (соглашение подписано в апреле 2026 г.) [5]. Эти инициативы, как справедливо отмечает Р.Р. Назаров, превращают Ассоциацию из пассивного реципиента культурных программ в активного соисполнителя крупных международных проектов, что существенно повышает ее статус в двусторонних отношениях [6, с. 80–82].

В экономическом треке Ассоциация выступает агентом передачи корейских управленческих моделей. Как документировано в материалах проекта ИПМИ, в 2024 г. совместно с *Корейским институтом развития (KDI)* инициирована программа *Knowledge Sharing Program (KSP)*. Первый ее модуль – «*Поддержка развития стартап-экосистемы и венчурного финансирования в Узбекистане*» – реализуется при непосредственном участии экспертов Ассоциации [5]. Это означает, что корейская диаспора Узбекистана, имеющая опыт как работы в постсоветской экономике, так и связей с корейскими финансовыми институтами, становится важным проводником корейских стандартов в сфере инновационного предпринимательства. Данный тезис подтверждается и наблюдениями А.Х. Рахманкуловой, которая на примере экономической деятельности корейцев в 1930–1950-е гг. показывает, что диаспора исторически обладала высоким адаптационным потенциалом и способностью к трансферу технологий [8, с. 314].

Символическим жестом, имеющим прямое экономическое измерение, стала акция «*Ханбок*»: с декабря 2022 г. по апрель 2023 г. Торговая ассоциация Корея–Узбекистан (председатель совета директоров Ким Чан Гон) при поддержке мэрии Инчхона передала Ассоциации около 2000

традиционных корейских костюмов для последующего распространения в вузах с отделениями корейского языка [5]. Этот проект, хотя и внешне культурный, на деле способствовал формированию устойчивых каналов для последующих поставок текстильной продукции и развития совместных предприятий в легкой промышленности.

Экологическое направление представлено международным форумом «Улучшение экологической ситуации в Приаралье и роль корейской диаспоры», который состоялся в Нукусе 27 ноября 2018 г. и был организован Жокаргы Кенесом Республики Каракалпакстан совместно с Ассоциацией [4]. Как отмечается в аналитических материалах проекта ИПМИ, за этим форумом последовал проект этнодеревни «Чаиша» в Паркентском районе (2026 г.), созданной по корейским стандартам ландшафтного дизайна и призванной служить демонстрационной площадкой для водосберегающих технологий [5]. Данная инициатива, по мнению П.Г. Кима, развивает традиции корейского поливного земледелия, которые были привнесены в Центральную Азию еще в конце 1930-х гг. [3, с. 98-100]. Важно подчеркнуть, что подобные экологические проекты не только улучшают имидж корейской диаспоры, но и создают основу для привлечения грантов международных организаций, включая *Зеленый климатический фонд* и программы ООН, что выводит двустороннее сотрудничество на многосторонний уровень.

Политическая интеграция корейской диаспоры в узбекистанское общество является одним из ключевых факторов, обеспечивающих эффективность Ассоциации как актора двусторонних отношений. Как зафиксировано в официальных материалах, Виктор Пак (председатель Ассоциации с 2012 г.) является депутатом Законодательной палаты Олий Мажлиса, награжден государственными наградами Узбекистана и Республики Корея. Вера Пак удостоена звания *Герой Узбекистана* [4]. В 2019 г. широко отмечалось 100-летие Хвана Ман Гима – бывшего председателя хозяйства «*Политотдел*», в честь которого названа махалля в Ташкентской области [4]. Эти персоналии, как отмечает А. Рахманкулова, служат важными символами успешной интеграции и одновременно – ориентирами для молодого поколения корейцев, демонстрируя возможности социальной мобильности [7, с. 592]. Дж. Гензор и С. Хо в своем классическом исследовании корейцев в Советской Центральной Азии также подчеркивали, что именно высокий уровень адаптации и лояльности к государству проживания стал отличительной чертой этой диаспоры [9, с. 277].

Ключевым проектом коммеморации, который курирует Ассоциация, выступает *«Музей истории корейской диаспоры»* в Ташкенте. Инициатива, впервые озвученная на встрече лидеров двух стран в 2021 г., с февраля 2026 г. перешла в практическую фазу: создан Консультативный комитет из 10 экспертов по архитектуре, выставкам и истории при участии представителя Ассоциации. Проект приурочен к 90-летию депортации (2027 г.), строительство запланировано на второе полугодие 2026 г., открытие – к концу 2027 г. [5]. Как справедливо подчеркивается в коллективной монографии под редакцией Й. Реккеля и М. Шатца, создание музеев диаспоры является одним из важнейших механизмов сохранения исторической памяти и одновременно – инструментом «мягкой силы», поскольку такие музеи привлекают внимание корейского правительства и фондов к нуждам диаспоры [10, с. 102-104]. В случае с Узбекистаном музей должен стать не только мемориальным пространством, но и исследовательским центром, где будут собираться архивные документы о депортации и послевоенном восстановлении, что создаст прочную фактологическую базу для будущих совместных проектов.

Анализ деятельности Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана за 1991–2026 гг., проведенный на основе официальных источников [4] и материалов проекта ИПМИ [5], выявляет ее эволюцию от сугубо культурной организации к полноценному институту «народной дипломатии». Ассоциация обслуживает образовательные треки (70 волонтеров KOICA, 12 вузов с преподаванием корейского языка, включая такие специализированные структуры, как HANCOM ACADEMY, KIUT и AKITA), экономические (программа KSP, акция «Ханбок»), экологические (форум в Нукусе, этнодеревня «Чашма») и мемориальные (*«Музей истории корейской диаспоры»*, открытие которого запланировано на 2027 г.). Присутствие председателя Ассоциации Виктора Пака в парламенте Узбекистана и наличие таких выдающихся фигур, как Вера Пак (Герой Узбекистана) и Хван Ман Гим (в честь которого названа махалля), легитимирует эти проекты на уровне государственной политики и демонстрирует высокую степень интеграции корейской диаспоры.

Как отмечается в рассмотренных в рамках данной статьи исследованиях, проектов и инициатив, подобная институциональная сеть, фиксирующая каждую инициативу в виде бюджета, числа участников и конкретных локаций, создает устойчивый каркас для долгосрочного стратегического партнерства. В условиях глобальной турбулентно-

сти, когда традиционные межгосударственные альянсы подвергаются испытаниям, институты «народной дипломатии», подобные Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана, приобретают особую ценность. Они обеспечивают горизонтальные связи между обществами, которые остаются устойчивыми даже при изменениях в официальной политической повестке. Дальнейшее расширение образовательных программ, экологических проектов и экономических контактов через посредничество Ассоциации следует рассматривать как приоритетное направление для углубления двухсторонних отношений Узбекистана и Республики Корея в ближайшие годы.

Список литературы:

1. Воронцов А.В. Размышления о прошлом, настоящем, будущем корейцев в Центральной Азии и корейской нации в целом. Рецензия на монографию: В.С. Хан. Историография корейцев Центральной Азии: Основные направления и этапы развития. Ташкент: Baktia Press, 2021. 624 с. // Вестник антропологии. 2022. № 4. С. 372-381.
2. Дмитриева М.О., Троякова Т.Г. Корейцы Узбекистана в поисках новой идентичности // Известия Восточного института. 2021. № 2. С. 45-63.
3. Ким П.Г. Корейцы Республики Узбекистан: история и современность. – Т.: Узбекистан, 1993. 176 с.
4. Комитет по вопросам межнациональных отношений и соотечественников за рубежом Республики Узбекистан. Ассоциация корейских культурных центров Узбекистана [Электронный ресурс]. // URL: <https://gov.uz/ru/icc/news/view/80748> (Дата обращения: 16.05.2026).
5. Материалы исследовательского проекта и проекта общественного диалога «Отношения между Узбекистаном и Кореей: прошлое, настоящее и перспективы в контексте глобальных вызовов» [Электронный ресурс]. // URL: <https://iais.uz/ru/projectnews/uzbekistan-korea-relations-past-present-and-perspectives-in-the-context-of-global-challenges> (Дата обращения: 16.05.2026).
6. Назаров Р.Р. Корейская диаспора Узбекистана: история и современность // Известия Восточного института. 2022. № 2. С. 73-84.
7. Рахманкулова А. Историографический обзор истории корейской диаспоры Узбекистана // Eurasian Journal of Academic Research. 2024. № 4 (7 Special Issue). С. 590-594.
8. Рахманкулова А.Х. Вклад корейцев в экономику Узбекистана (в конце 1930–1950 гг.) // «1937 год: Русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее и будущее». Сборник материалов Международного симпозиума, посвященного 80-летней годовщине принудительного переселения корейцев с Дальнего Востока в Центральную Азию (15.09–17.09.2017, Владивосток–Уссурийск). – М.: Аквариус, 2018. С. 309-318.
9. Gensor J., Kho S. Koreans in Soviet Central Asia // Cahiers d'Extrême-Asie. 1991. Vol. 6. P. 277-278.
10. Reckel J., Schatz M. (Eds.) Korean Diaspora – Central Asia, Siberia and Beyond. Göttingen: Universitätsverlag Göttingen, 2020. 126 p.
11. Пономаренко А.П. Устойчивое развитие как отличительная черта внешней политики Австрии на современном этапе // Альманах Казачество. 2021. № 47. С. 9-14.
12. Кравченко В.И., Мартынова Д.А. Влияние социальных сетей на рекламу в условиях зарождающегося искусственного интеллекта // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 137-143.
13. Ворожцова А.А. «Маленькая Венеция» на берегах Ориноко: к вопросу о происхождении и эволюции топонима «Венесуэла» // Власть истории и История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 97-102.

Bibliography

1. Vorontsov AV Reflections on the Past, Present, and Future of Koreans in Central Asia and the Korean Nation as a Whole. Review of the monograph: VS Khan. Historiography of Koreans of Central Asia: Main Directions and Stages of Development. Tashkent: Baktia Press, 2021. 624 p. // Bulletin of Anthropology. 2022. № 4. P. 372-381.
2. Dmitrieva MO, Troyakova TG Koreans of Uzbekistan in Search of a New Identity // Bulletin of the Eastern Institute. 2021. № 2. P. 45-63.
3. Kim PG Koreans of the Republic of Uzbekistan: History and Modernity. – T.: Uzbekistan, 1993. 176 p.

4. Committee on Interethnic Relations and Compatriots Abroad of the Republic of Uzbekistan. Association of Korean Cultural Centers of Uzbekistan // URL: <https://gov.uz/ru/icc/news/view/80748> (16.05.2026).
5. Materials of the research project and public dialogue project “Relations between Uzbekistan and Korea: Past, Present and Prospects in the Context of Global Challenges” // URL: <https://iais.uz/ru/projectnews/uzbekistan-korea-relations-past-present-and-perspectives-in-the-context-of-global-challenges> (16.05.2026).
6. Nazarov R.R. Korean Diaspora in Uzbekistan: History and Modernity // News of the Eastern Institute. 2022. № 2. P. 73-84.
7. Rakhmankulova A. Historiographic review of the history of the Korean diaspora in Uzbekistan // Eurasian Journal of Academic Research. 2024. № 4 (7 Special Issue). P. 590-594.
8. Rakhmankulova A.Kh. The contribution of Koreans to the economy of Uzbekistan (in the late 1930s–1950s) // “1937: Russian-speaking Koreans – past, present and future”. Collection of materials from the International symposium dedicated to the 80th anniversary of the forced resettlement of Koreans from the Far East to Central Asia (15.09–17.09.2017, Vladivostok–Ussuriysk). – M.: Aquarius, 2018. P. 309-318.
9. Genzor J., Kho S. Koreans in Soviet Central Asia // Cahiers d'Extrême-Asie. 1991. Vol. 6. P. 277-278.
10. Reckel J., Schatz M. (Eds.) Korean Diaspora – Central Asia, Siberia and Beyond. Göttingen: Universitätsverlag Göttingen, 2020. 126 p.
11. Ponomarenko A.P. Sustainable development as a hallmark of Austrian foreign policy at the present stage // Almanac Cossacks. 2021. № 47. P. 9-14.
12. Kravchenko V.I., Martynova D.A. The impact of social media on advertising in the context of emerging artificial intelligence // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 137-143.
13. Vorozhtsova A.A. ‘Little Venice’ on the banks of the Orinoco: the origin and evolution of the toponym ‘Venezuela’ // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 97-102.

Мартинс Д.М.

*Аспирантка 3 Курс. Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород.*

Бразилия и Россия: историческая перспектива дипломатических отношений и построение стратегического партнерства

Введение

Бразилия и Россия: исторический аспект дипломатических отношений и построения стратегического партнерства за все эти почти 200 лет дружбы между странами.

Эта статья покажет всю историю дипломатической дружбы между двумя странами Бразилией и Россией за эти почти 200 лет отношений, связанных с такими вопросами, как политика, экономика, культура и образование.

Дипломатические отношения между Бразилией и Россией официально начались в 1828 году, на протяжении почти 02 веков было несколько взаимодействий, которые привели к успешному стратегическому партнерству. Конечно, две страны столкнулись с некоторыми препятствиями из-за огромных географических расстояний, эти два континента, хотя и далеко друг от друга, нашли сходные точки соприкосновения, которые дополняли друг друга и формировали их политические, экономические, культурные связи и т. д.

В этой статье предлагается анализ эволюции этой «дружбы», понимаемой как дипломатическое и политическое участие. - от Империи до наших дней существует прагматичный Союз на многополярном фоне XXI века.

На протяжении всей статьи будет аргументироваться долголетие и взаимность двусторонних отношений между Бразилией и Россией, нацеленных на взаимные интересы в различных сферах, с возрастающей взаимосвязью важности обеих стран в изменении глобального порядка.

Автор объяснит все исторические этапы этого сближения и углубится в современные основы этого сотрудничества, уделяя особое внимание экономическим, энергетическим (таким как действия Росатома в ядер-

ном секторе) и геополитическим опорам, особенно в контексте БРИКС и CAN (комиссия высокого уровня Бразилии и России) и недавних международных вызовов.

Весь фокус статьи будет направлен на тезис об эволюции бразильско-российских отношений с целью создания альянса, основанного на экономическом дополнении общими геополитическими интересами в многополярном порядке.

ПЕРВАЯ ГЛАВА - начало: от империи к революции (1828 – 1917)

Автор покажет в своей работе, как началась история о признании независимости Бразилии Российской империей и первых дипломатических миссиях.

Процесс признания независимости Бразилии Российской империей произошел в 1828 году, этот момент был очень важен, потому что это было началом двусторонних отношений между странами и раскрывает знаменательные моменты дипломатии XIX века. После провозглашения независимости 7 сентября 1822 года с домом Педро I император Бразилии посвятил себя дипломатической кампании между странами с целью признания европейских держав.

Признание Россией независимости Бразилии не было быстрым, поскольку позиция России в то время была консервативной и не была гибкой. Россия и другие европейские державы поняли, что независимость колоний в Америке была фактом, что это противоречит их собственным коммерческим и политическим интересам.

Португалия была одной из первых стран, признавших независимость Бразилии при британском посредничестве. Когда-то Родина-мать приняла разделение и признала Бразилию независимой империей при Доме Браганса. С тех пор другие европейские страны начали признавать независимость Бразилии.

В 1828 году Российская Империя через своего дипломатического представителя официально признала бразильскую империю. Этот акт имел первостепенное значение для Бразилии, поскольку означал не только легитимацию ее суверенитета одной из великих держав мира, но и укрепление ее международного положения. Благодаря этому признанию открылись двери для установления торговых отношений, обмена послами и участия Бразилии в более формализованной международной системе.

ВТОРАЯ ГЛАВА: Советский период и холодная война (1945-1991)

В советский период и холодная война представляет собой отчетливый и сложный этап в отношениях между Бразилией и Россией. В этой главе автор расскажет, как идеология и глобальная геополитика сформировали двусторонние контакты.

С образованием Союза Советских Социалистических республик (СССР) в то время произошел разрыв дипломатических отношений между Бразилией и Россией. Когда-то новое советское государство придерживалось коммунистической идеологии, а предложение мира в то время было капиталистическим, а Бразилия следовала новому мировому порядку, ориентированному на капитализм. Из-за различий в идеологиях были разорваны дипломатические отношения между Бразилией и Россией.

После Второй мировой войны СССР и Бразилия были союзниками против держав Оси, в 1945 году была предпринята краткая попытка дипломатического восстановления. В 1947/1948 годах в этот период Бразилия присоединилась к Соединенным Штатам и западному блоку.

В 1960-х годах произошло возобновление бразильской дипломатии и российской дипломатии в правительствах Яниу Квадрос и Жоао Гуларта, Бразилия приняла так называемую “независимую внешнюю политику” (PEI). Это новое руководство по диверсификации торговых партнеров и снижению экономической зависимости от Соединенных Штатов. В рамках этой логики Бразилия официально восстановила дипломатические отношения с Советским Союзом в 1961 году.

Несмотря на идеологические различия, Бразилия и СССР сближались с рыночной целью расширения сельскохозяйственной и промышленной продукции, потому что СССР стремился в Латинской Америке к коммерческой экспансии.

Военный режим (1964-1985) военный переворот 1964 года, президент Жоао Гуларт по обвинению в борьбе с «коммунистической угрозой», первоначально вызвал опасения по поводу нового разрыва с СССР. Но в бразильском военном режиме он решил сохранить дипломатические отношения с Москвой.

С реформами перестройки и Гланоста Михаила Горбачева в середине 1980-х годов отношения между Бразилией и Россией вернулись с большей силой, поскольку произошел рост культурных обменов и большая открытость для сотрудничества в других областях, помимо торговли.

Советский Союз, распавшийся в 1991 году, завершил эту главу, открыв

новый путь к новой эре двусторонних отношений между Бразилией и недавно образованной Российской Федерацией, теперь лишенной идеологического веса холодной войны.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА: Реконструкция отношений отношений в постсоветскую эпоху (90-е годы) и признание Российской Федерации Бразилией в 1991 году. Создание бразильско-российской комиссии высокого уровня (CAN) (1997). Основы сотрудничества в области науки и техники (космической и ядерной).

Автор описывает в хронологическом порядке даты того, как произошли исторические события, в 1991 году Советский Союз переживал крах, который привел к трансформации мировой политической сцены, к которой бразильская дипломатия должна была адаптироваться. В это время Бразилия и Москва вступили в новую динамику, обе страны по-прежнему сосредоточены на построении совместной повестки дня с глобальным прогнозом.

26 января 1991 года, вскоре после официального распада СССР, правительство Бразилии официально признало Российскую Федерацию государством-преемником Советского Союза.

Это событие было поразительное для обеспечения непрерывности двусторонним договорам делает Бразилии и России с международными партнерами. Первоначальная веха этого сближения произошла в 1994 году, с визитом министра иностранных дел России Примакова, защитника многополярного мира, он увидел в бразильской дипломатии демократизацию международных отношений, такую как реформа таких органов, как Совет Безопасности ООН.

Бразилия и Россия в 1997 году создали институциональный механизм, координирующий двусторонние отношения. Так, во время российского визита Виктор Черномырдин в Бразилию был подписан протокол о создании бразильско-российской комиссии высокого уровня (CAN).

Первое заседание CAN проходило под председательством вице-президента Бразилии и премьер-министра России. CAN-это комиссия, которая стала двусторонней дипломатической архитектурой. Создание этой комиссии направлено на институционализацию диалога, отраслевых механизмов, таких как экономическое и торговое сотрудничество, а также подкомитетов в таких областях, как сельское хозяйство, энергетика и космос).

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА: XXI век: стратегическое партнерство и возникновение БРИКС (2000–сегодня)

В этой главе автор углубится в стратегическое измерение и глобальный Партнерский прогноз, выделив области высоких технологий и согласования на многосторонних платформах.

Очень важной вехой в сборе информации является консолидация стратегического партнера: БРИКС и ядерное сотрудничество с Росатомом.

Стратегическое партнерство между Бразилией и Россией, formalized в 2000 году комиссией высокого уровня (CAN), приобрело значение, т. е. подъем обеих стран на мировую арену, наряду с поиском более многополярного международного порядка, а также сотрудничества по нескольким направлениям, особенно в возникновении группы БРИКС.

БРИКС возникла в 2001 году с первой группой (Бразилия, Россия, Индия и Китай), которые являются развивающимися экономиками с большим потенциалом роста. В 2006 году страны превратили эту аббревиатуру в формальную экономическую политическую группировку. Россия провела первый официальный саммит в 2009 году, а Южная Африка была включена в 2010 году.

Учитывая информацию, собранную автором для Бразилии и России, БРИКС представляла собой гораздо больше, чем форум экономического диалога; она стала важной платформой для консолидации своего стратегического партнера. Обе страны в этой группе разделяют видение более сбалансированной и многополярной международной системы, в которой власть не концентрируется на нескольких потенциалах. БРИКС предоставила возможность сформулировать это видение, проводя реформу таких институтов, как Совет Безопасности ООН и глобальная финансовая система (МВФ и Всемирный банк).

Бразилия и Россия координировали позиции в G20, ООН и других организациях, стремясь усилить свои голоса и повлиять на глобальные решения по таким темам, как развитие, международная безопасность и изменение климата. Бразилия и Россия укрепили свой союз как опору в группе, представляющей значительную часть мирового населения и ВВП.

Автор поднял информация о том, Атомной энергетике и Росатома: Что важность России в поставках ядерных технологий и радиоизотопов для медицины]. Данная стратегия-это долгосрочное, что касается двусторонних отношений, что проявляется в ядерной области.

В Бразилии в 1970 году создал ядерную программу, которая направлена в мирных целях, особенно в энергетике), роль России в этом вопросе является то, что она является технологическим партнером. Подчеркивая компания комитет россии (Росатома – это мировой лидер в том, что касается ядерного топлива.

ГЛАВА ПЯТАЯ: Столбы Сотрудничества актуальные

Описание нынешних столпов необходимо для понимания современной динамики отношений между Бразилией и Россией.

В этом исследовании автор сделал исторический обзор за эти почти 200 лет стратегического партнера Бразилии и России и в этой главе сделал современное закрытие современной истории Бразилии и России.

Автор покажет основы современного сотрудничества в агробизнесе, энергетике и технологиях.

Информация покажет, что партнер между Бразилией и Россией основан на принципах, выходящих за рамки политики и дипломатии, в которых особое внимание уделяется областям экономических и технологических интересов.

Автор выделит тему в секторе агробизнеса, которая представляет собой одну из самых динамичных и жизненно важных осей двусторонних отношений. Бразилия является глобальной сельскохозяйственной державой, а Россия имеет значительный потребительский рынок, а также рынок производителей с особыми потребностями, которые установили взаимозависимые отношения, которые приносят пользу обоим экономикам.

Россия является одним из приоритетных направлений экспорта бразильского агробизнеса, особенно в мясном секторе. Бразилия является поставщиком говядины, свинины и птицы, а также сои, кофе и сахара.

Согласно информации, собранной автором в отношении темы продовольственной безопасности, по мнению России, бразильский импорт является важным компонентом их продовольственной безопасности, поэтому Бразилия и Россия ведут санитарный диалог и, как торговые барьеры, это сотрудничество в агробизнесе имеет постоянный диалог по санитарным вопросам фитосанитарии. Россия является поставщиком сельскохозяйственных ресурсов в Бразилию, таких как удобрения.

Одним из важных столпов этих двусторонних отношений является тема ядерной безопасности нефти и газа.

Энергетический сектор является стратегической опорой: там, где он

имеет ядерное сотрудничество и обмен углеводородами.

Существует ядерное сотрудничество с российской государственной компанией «Росатом»: партнерство с «Росатомом» является компонентом очень высокой стратегической ценности. Россия является надежным поставщиком обогащенного урана для атомных электростанций (Ангра 1 и 2), что необходимо для энергичной безопасности Бразилии.

Чтобы закрыть тему о текущих столпах сотрудничества Бразилии и России, автор покажет о секторе от освоения космоса до обороны.

Космическое сотрудничество является исторической опорой, согласно информации Россия является традиционной державой в космической области, а у Бразилии есть космическая программа, которая находится в стадии разработки, которая является стартовым центром Алькантары. Это сотрудничество охватывает запуск спутников, дистанционное зондирование, обучение космонавтов, оборону и безопасность, исследования и разработки.

Автор на протяжении всего исследования этой информации в отношении нынешних столпов между двумя странами, что показано в синтезе, являются столпами агробизнеса, энергетики и технологий, которые приносят экономические выгоды, а также взаимное доверие и стратегические возможности с целью построения более процветающего и многополярного будущего.

Заключение

Столкнувшись с информацией, собранной автором, рассказанная история связана с отношениями между Бразилией и Россией, от первых официальных контактов до консолидации стратегического партнерства в двадцать первом веке, показывает эволюцию, отмеченную постоянным поиском автономии и дипломатическим прагматизмом. То, что начиналось как отношения, основанные на ограниченных обменах, превратилось в прочный альянс, основанный на таких важнейших принципах, как продовольственная безопасность, ядерная энергетика и передовое научное сотрудничество.

На протяжении многих лет укрепление связей через БРИКС было не просто экономическим ответвлением, а политическим заявлением о намерениях. Бразилия и Россия по-своему бросают вызов гегемонии централизованной международной системы, способствуя построению «постзападного» сценария.

Перспективы-это проблемы и возможности. Постзападный сценарий

требует, чтобы обе страны осторожно ориентировались в мире, отмеченном растущей геополитической напряженностью и нестабильностью глобальных цепочек поставок.

История бразильско-российских отношений учит, что, несмотря на географические расстояния и культурные различия, сближение интересов вокруг более сбалансированного мирового порядка является долгосрочным проектом. Будущее этих отношений будет определяться их способностью превращать эту политическую близость в устойчивую экономическую реальность, укрепляя себя в качестве главных действующих лиц эпохи, когда глобальная власть распределяется более множественно и демократично.

Список литературы / Bibliography

1. Brasil. Câmara dos Deputados. Comissão de Relações Exteriores e de Defesa Nacional: Justificação. Brasília, DF: Câmara, 2000. Disponível em: camara.leg.br. (15 mar. 2026)
2. Brasil. Ministério das Relações Exteriores. Federação da Rússia. Brasília, DF: MRE, 2014. Disponível em: www.gov.br. (16 mar. 2026)
3. Brasil. Presidência da República. Na Rússia, o Presidente Jair Bolsonaro tem reunião com Vladimir Putin e trata de temas de interesse dos dois países. Brasília, DF: Planalto, 2022. Disponível em: www.gov.br. (29 mar. 2026)
4. Confederação da agricultura e pecuária do Brasil (CNA). CNA apresenta impactos do ICMS nos preços dos fertilizantes. Brasília, DF: CNA, 2025. Disponível em: cnabrazil.org.br. (18 mar. 2025)
5. Ilichev Vladimir. Rossiya i Braziliya razrabotayut bolee stabil'nye logisticheskie marshruty. Ministério do Desenvolvimento Econômico da Rússia, 5 jun. 2024. Disponível em: economy.gov.ru. Acesso em: 18 abr. 2026.
6. Tovaroorot Rossii i Braziliy vyros do maksimuma s oktyabrya 2024 goda. Alta.ru, 13 maio 2025. Disponível em: alta.ru. (18 mai. 2026)

Аннотации

Рябова Л.О.
Терновая Л.О.

Этнические права человека и права национальных меньшинств: проблема делимитации понятий

Статья посвящена проблеме концептуального разграничения понятий «этнические права человека» и «права национальных меньшинств», актуальность которой обусловлена необходимостью формирования эффективной национальной политики в полиэтнических государствах. На основе анализа международно-правовых актов, философских традиций и теоретического наследия Р.Г. Абдулатипова авторы исследуют различия между универсальной моделью этнических прав, имеющих индивидуальную природу, и коллективными правами национальных меньшинств, требующими от государства активных мер по сохранению идентичности. Особое внимание уделяется российской цивилизационной специфике, где традиции соборности, солидарности и идея «многонационального народа» позволяют преодолеть либеральную дихотомию «большинство — меньшинство». В статье обосновывается, что смешение рассматриваемых категорий чревато как эрозией государственного суверенитета, так и игнорированием этнокультурного многообразия. Авторы приходят к выводу, что концептуальная ясность в различении этнических прав человека и прав национальных меньшинств выступает условием сохранения цивилизационной устойчивости и гармонизации межнациональных отношений в России.

Ключевые слова: этнические права человека, права национальных меньшинств, Р.Г. Абдулатипов, национальная политика, многонациональный народ, российская цивилизация, делимитация понятий, коллективные права, этническая идентичность, межнациональные отношения.

Михайлова Н.В.
Нетёсов А.С.

Понятие, природа и сущностные признаки политического мифа

В статье исследуются понятие, природа и сущностные признаки политического мифа в контексте академической традиции политической науки, философии и семиотики. Автор разграничивает обыденное и научное значения термина «миф», демонстрируя, что последний не тождественен лжи или вымыслу, а представляет собой специфическую форму

коллективного смыслополагания, выполняющую реальные общественные функции. В статье последовательно рассматриваются ключевые концептуальные подходы к политическому мифу: нарративная трактовка Г. Тюдора и К. Флада, семиотическая теория «натурализации» Р. Барта, мобилизационная концепция Ж. Сореля, критическая позиция Э. Кассирера относительно искусственно конструируемого мифа, процессуальная модель К. Боттичи, а также философия мифологического сознания А.Ф. Лосева. На основе синтеза указанных подходов выделяется совокупность сущностных признаков политического мифа. Отдельное внимание уделяется функциям политического мифа – интегративной, легитимирующей, мобилизационной и компенсаторно-психологической. В заключительной части устанавливается связь между механикой мифотворчества и теорией секьюритизации Копенгагенской школы, что позволяет рассматривать анализ политического мифа как необходимый инструмент исследования конструирования образов угрозы и управления безопасностью в современной политике.

Ключевые слова: понятие, природа, сущностные признаки, функции политического мифа, различные подходы.

Воронина Е.В.

Проскурякова А.Ю.

Третьяков В.А.

Воронин В.А.

Воронина Д.М.

Педагогические условия формирования социально-значимых качеств личности младшего школьника в процессе волонтерства

В статье рассматривается проблема формирования социально-значимых качеств личности младших школьников в процессе волонтерской деятельности. Актуальность вопроса обусловлена дефицитом научных разработок и учебно-методических материалов, направленных на внедрение добровольчества в начальное образование, несмотря на то, что именно этот этап является фундаментальным для становления нравственных основ личности. На основе анализа нормативно-правовых документов и распределения исследований по образовательным ступеням обоснована необходимость системной работы с младшими школьниками. В работе выделены и теоретически аргументированы два ключевых педагогических условия: реализация волонтерской деятельности на основе авторской программы «Время действовать: Первые шаги» и вовле-

чение учащихся начальных классов в совместную социально-значимую деятельность со старшеклассниками. Раскрыты принципы, формы и этапы организации межвозрастного взаимодействия. Результаты исследования подтверждают потенциал волонтерства как эффективного средства воспитания ответственности, эмпатии, гражданской активности и навыков командной работы у детей младшего школьного возраста.

Ключевые слова: волонтерство, младшие школьники, социально-значимые качества, педагогические условия, авторская программа, межвозрастное взаимодействие, начальное образование.

Попов Д.Д.

Теоретические концепции государственной миграционной политики:

институциональные предпосылки и пределы применимости

В статье проводится систематический анализ ведущих теоретических концепций государственной миграционной политики с точки зрения их институциональных предпосылок. Автор показывает, что концепции провала миграционных политик, либерального парадокса, функциональных императивов государства и неоинституциональных подходов к иммиграции разработаны применительно к консолидированным либеральным демократиям и встроены в их специфические институциональные условия: электоральную подотчётность, независимую судебную власть и конкурентную борьбу организованных интересов. Отсутствие любого из этих условий меняет логику функционирования рассматриваемых механизмов. На основе синтеза концепций электорального авторитаризма, патрональной политики и символической политики формулируются требования к аналитической рамке, способной описывать миграционную политику в условиях незападных политических систем.

Ключевые слова: миграционная политика, либеральный парадокс, функциональные императивы, символическая политика, незападные политические системы.

Щупленков О.В.

Щупленков Н.О.

Коллективная и историческая память как основа национально-культурной идентичности народов Северного Кавказа

В процессе формирования социокультурного пространства на Кав-

казе местные народы, несмотря на этнические различия, географическую разобщенность и сложные природные условия, активно взаимодействовали, обеспечивая свою самодостаточность в рамках этого пространства. Эти взаимосвязи способствовали развитию общего типа социального уклада, хозяйственной деятельности и технологий жизнеобеспечения, что позволяет говорить о существовании единого социокультурного пространства в регионе, по крайней мере, в историческом контексте.

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, культурологический дискурс, синергетическая парадигма, системный подход, этнокультурная идентичность.

Бирюков Н.Г.

Файзулина А.И.

**Некоторые аспекты вежливой речи «кэйго»
как уникального механизма регулирования
отношений в японском обществе**

Приведённая статья посвящена анализу 敬語 (кэйго) – системы вежливой речи в японском языке – как уникального социолингвистического механизма, который искусно регулирует межличностные отношения в японском обществе. В работе рассматриваются три основных типа Кэйго: Сонкэйго (почтительная речь), Кэндзё-го (скромная речь) и Тэйнэйго (учтивая речь), а так же их роль в отражении и поддержании социальной иерархии в Японии. Авторы уделяют внимания аспектам Кэйго в контексте коммуникативных стратегий и тактик, где стратегия Кэйго – это совокупность экстралингвистических факторов связанных с возрастом, социальным статусом, степенью близости собеседников и самим контекстом коммуникации, где тактикой является степень близости коммуникантов. Отдельно нами рассматриваются концепция «своих» 内 (ути) и «чужих» 外 (сото), что является отражением коммуникативной стратегии, а тактикой выступает речевое поведение японцев. Кэйго – это часть социокультурного кода японского этноса и способ сохранения гармонии, предотвращения конфликтов и фактор имиджа в общении 面子 (мэнцу).

Ключевые слова: японский язык, вежливая речь, кэйго, почтительный язык, социальная иерархия, речевое поведение, деловой этикет, социокультурный код.

Сулейман Канте
Бокерия С.А.

Институциональная система реформирования ООН

Предметом данного исследования являются проблемы, связанные со структурными реформами Организации Объединенных Наций, трудности, которые могут возникнуть в связи с этими реформами; с одной стороны, в соответствии с логикой основополагающего акта Организации Объединенных Наций, а с другой стороны, многочисленные соображения по отношению к заинтересованным сторонам, участвующим в этой реформе.

Во-первых, автор опирается на теорию неолиберализма, которая отстаивает центральную роль международных организаций в мировой политике, а также в управлении международными делами, а во-вторых, подход теории реализма помогает исследовать последствия политики, основанной на сохранении интересов, конкуренция государств в борьбе за власть через международные инстанции в международной системе.

Данная работа является неотъемлемой частью историографического анализа с использованием общенациональных научных методов в работе с источниками и проведении исследования, в рамках которого используются историографические, хронологические, проблемные и описательно-линейные методы изучения динамики реформ ООН.

Структурно-функциональный метод использовался для изучения внутренней структуры и возможностей реформирования Организации Объединенных Наций. Исторический и типологический метод позволил выделить структурные реформы Организации Объединенных Наций. Комплексный и систематический подход позволил выявить доктрины, стратегии и политику государств в рамках Организации Объединенных Наций в интересах защиты их интересов на международной арене.

Основные выводы проведенного исследования могут быть использованы в других исследованиях, посвященных реформам Организации Объединенных Наций на глобальном и региональном уровнях, а также в ретроспективном и/или текущем анализе роли Организации Объединенных Наций в разрешении конфликтов или других возникающих споров в рамках компетенции Организации Объединенных Наций. Аналитические методы и различные источники, использованные в рамках этого исследования, позволили выделить проблемы, связанные с реформой Организации Объединенных Наций, и позволили найти соот-

ветствующие решения в отношении ее органов, особенно тех, которые наиболее востребованы в рамках этой реформы, а также ее институтов в целях обеспечения того, чтобы Организация Объединенных Наций могла адаптироваться к современным чаяниям и реалиям.

Ключевые слова: ООН, Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Генеральный секретарь, Устав ООН, реформа, мир, безопасность, развитие, права человека.

Ци Лили

**Культурный суверенитет
и индустрия этнической культуры
приграничных территорий в контексте устойчивого
развития – на примере провинции Хэйлунцзян (КНР)**

В условиях глобализации вопросы культурного суверенитета и устойчивого развития приграничных регионов становятся стратегическими задачами, с которыми сталкиваются как Китай, так и Россия. Провинция Хэйлунцзян в Китае и регионы Сибири и Дальнего Востока России принадлежат к северо-восточному азиатскому культурному ареалу и характеризуются наличием множества трансграничных этносов, что обусловливает схожие вызовы в области сохранения и освоения этнической культуры. В статье на примере провинции Хэйлунцзян систематизирован практический опыт продвижения высококачественного развития индустрии этнической культуры в рамках стратегии «культурной державы». Исследование показывает, что посредством критического переосмысления и трансформации культурных традиций, инновационного раскрытия культурной привлекательности, а также системного формирования культурных брендов провинции удалось осуществить современную трансформацию этнической культуры, превратив её во внутренний драйвер устойчивого развития приграничных территорий. Ключевая логика данного опыта — сохранение культурной субъектности, развитие в условиях открытости и преемственность через инновации — обладает определённой референтной значимостью для углубления культурного обмена и промышленного сотрудничества в китайско-российских приграничных регионах.

Ключевые слова: культурный суверенитет, устойчивое развитие, приграничные территории, индустрия этнической культуры, провинция Хэйлунцзян.

Чэнь Бин

**Ассоциация корейских культурных
центров Узбекистана в двухсторонних отношениях
Узбекистана и республики Корея: история и перспективы**

В статье на основе анализа конкретных проектов, инициатив и образовательных программ за период с 1991 по 2026 гг. определяется роль Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана в развитии двусторонних отношений между Республикой Узбекистан и Республикой Корея. Исследование опирается на официальные данные о сети из 23 региональных отделений Ассоциации, хронологию и бюджеты совместных инициатив с Корейским агентством международного сотрудничества (KOICA) и Фондом зарубежных корейцев (OKF). Подробно рассматриваются такие проекты, как строительство «Корейского центра культуры и образования», открытие классов HANCOM ACADEMY, запуск программы «Knowledge Sharing Program (KSP)» и планы по созданию «Музея истории корейской диаспоры» (завершение к 2027 г.). В работе также вводятся в научный оборот данные о персоналиях – Викторе Паке (председателе Ассоциации с 2012 г.), Вере Пак (Герое Узбекистана) и Хване Ман Гиме, – чья деятельность демонстрирует высокий уровень политической интеграции корейской диаспоры. Делается вывод, что Ассоциация выступает ключевым оператором «народной дипломатии», системно преобразующим культурные связи в экономические и образовательные контракты.

Ключевые слова: ассоциация корейских культурных центров Узбекистана, KOICA, KSP, Ханбок, Корейский центр культуры и образования, Музей истории корейской диаспоры, Виктор Пак, двусторонние отношения.

Мартинс Д.М.

**Бразилия и Россия:
историческая перспектива дипломатических отношений
и построение стратегического партнерства**

Бразилия и Россия: исторический аспект дипломатических отношений и построения стратегического партнерства в течение долгих лет дружбы.

Научная работа покажет историю дипломатической дружбы между странами Бразилией и Россией, которая в течение этого длительного времени отношений, которая включает в себя такие вопросы, как поли-

тика, экономика, культура и образование.

Цель статьи-объяснить все исторические этапы до настоящего времени с акцентом на экономические, энергетические основы, особенно в геополитическом секторе в контексте БРИКС и CAN (комиссия высокого уровня Бразилии и России).

Будет рассказано, как дипломатические отношения Бразилии и России формируются в союз, основанный на экономическом дополнении общими геополитическими интересами в многополярном порядке.

Ключевые слова: дружба, дипломатические отношения, Бразилия, Россия, БРИКС, CAN, Росатом, экономика.

Abstracts

Ryabova L.O.

Ternovaya L.O.

Ethnic human rights and the rights of national minorities: the problem of delimitation of concepts

This article examines the conceptual distinction between the concepts of “ethnic human rights” and “national minority rights,” a topical issue arising from the need to formulate effective national policies in multiethnic states. Drawing on international legal instruments, philosophical traditions, and the theoretical legacy of R.G. Abdulatipov, the authors explore the differences between the universal model of ethnic rights, which are individual in nature, and the collective rights of national minorities, which require the state to take active measures to preserve their identity. Particular attention is paid to the specifics of Russian civilization, where traditions of conciliarity, solidarity, and the idea of a “multinational people” make it possible to overcome the liberal dichotomy of “majority—minority.” The article argues that confusing these categories is fraught with both the erosion of state sovereignty and the disregard for ethnocultural diversity. The authors conclude that conceptual clarity in distinguishing between ethnic human rights and the rights of national minorities is essential for maintaining civilizational stability and harmonizing interethnic relations in Russia.

Key words: ethnic human rights, national minority rights, R.G. Abdulatipov, national policy, multinational people, Russian civilization, delimitation of concepts, collective rights, ethnic identity, interethnic relations.

Mikhailova N.V.

Netesov A.S.

The concept, nature, and essential features of a political myth

The article examines the concept, nature and essential features of a political myth in the context of the academic tradition of political science, philosophy and semiotics. The author distinguishes between the ordinary and scientific meanings of the term “myth”, demonstrating that the latter is not identical to lies or fiction, but is a specific form of collective meaning-making that performs real social functions. The article consistently examines the key conceptual approaches to political myth: the narrative interpretation

of G. Tudor and K. Flood, the semiotic theory of “naturalization” by R. Barthes, J. Sorel’s mobilization concept, E. Cassirer’s critical position on artificially constructed myth, C. Bottici’s procedural model, as well as A.F. Losev’s philosophy of mythological consciousness. Based on the synthesis of these approaches, a set of essential features of a political myth. Special attention is paid to the functions of the political myth – integrative, legitimizing, mobilizing, and compensatory-psychological. In the final part, a connection is established between the mechanics of myth-making and the theory of securitization of the Copenhagen School, which makes it possible to consider the analysis of political myth as a necessary tool for researching the construction of threat images and security management in modern politics.

Key words: concept, nature, essential features, functions of a political myth, various approaches.

Voronina E.V.

Proskuryakova A.Yu.

Tretyakov V.A.

Voronin V.A.

Voronina D.M.

**Pedagogical conditions for the formation
of the primary school children’s socially
significant personality traits by means of volunteering**

The article examines the problem of forming the primary school children’s socially significant personality traits by means of volunteer activities. The relevance of this issue is determined by the scarcity of scientific research and educational materials aimed at integrating volunteering into primary education, despite the fact that this stage is fundamental for establishing the moral foundations of personality. Based on the analysis of regulatory legal documents and the distribution of research across educational levels, the necessity of systematic work with primary school students is substantiated. The study identifies and theoretically substantiates two key pedagogical conditions: the implementation of volunteer activities based on the author’s program «Time to Act: First Steps» and the involvement of primary school students in joint socially significant activities with senior pupils. The principles, forms, and stages of organizing inter-age interaction are revealed. The research results confirm the potential of volunteering as an effective means of fostering responsibility, empathy, civic engagement, and teamwork skills in primary

school children.

Key words: volunteering, primary school children, socially significant qualities, pedagogical conditions, author's program, inter-age interaction, primary education.

Popov D.D.

**Theoretical concepts of state migration policy:
institutional preconditions and limits of applicability**

The article presents a systematic analysis of leading theoretical concepts of state migration policy from the perspective of their institutional preconditions. The author demonstrates that theories of migration policy failure, the liberal paradox, functional imperatives of the state, and neo-institutional approaches to immigration were developed for consolidated liberal democracies and are embedded in their specific institutional conditions: electoral accountability, independent judiciary, and competitive organised interests. The absence of any of these conditions alters the logic of the mechanisms in question. Drawing on concepts of electoral authoritarianism, patronal politics and symbolic politics, the article formulates requirements for an analytical framework capable of addressing migration policy in non-Western political systems.

Key words: migration policy, liberal paradox, functional imperatives, symbolic politics, non-Western political systems.

Shchuplenkov O.V.

Shchuplenkov N.O.

**Collective and historical memory
as the basis of the national and cultural identity
of the peoples of the North Caucasus**

In the process of forming the socio-cultural space in the Caucasus, the local peoples, despite ethnic differences, geographical separation and difficult natural conditions, actively interacted, ensuring their self-sufficiency within this space. These interrelations contributed to the development of a common type of social structure, economic activity and life support technologies, which allows us to talk about the existence of a single socio-cultural space in the region, at least in the historical context.

Key words: historical memory, collective memory, cultural discourse, synergetic paradigm, systems approach, ethnocultural identity.

Biryukov N.G.

Fayzulina A.I.

**Some aspects of polite speech “keigo”
as a unique mechanism for regulation of relations in Japanese society**

This article analyzes keigo, the Japanese polite speech system, as a unique sociolinguistic mechanism that skillfully regulates interpersonal relations in Japanese society. The paper examines three main types of keigo: sonkeigo (respectful speech), kenjo-go (modest speech), and teineigo (polite speech), as well as their role in reflecting and maintaining social hierarchy in Japan. The authors focus on aspects of keigo in the context of communicative strategies and tactics, where keigo strategy is a set of extralinguistic factors related to age, social status, the degree of closeness of interlocutors, and the communication context itself, while tactics are the degree of closeness of communicants. We separately consider the concepts of “us” (uchi) and “them” (soto), which reflect communicative strategy, while the tactics are the speech behavior of the Japanese. Keigo is a part of the socio-cultural code of the Japanese ethnic group and a way of maintaining harmony, preventing conflicts and an image factor in communication 面子 (mentsu).

Key words: Japanese language, polite speech, keigo, honorific language, social hierarchy, speech behavior, business etiquette, sociocultural code.

Suleiman Kante

Bokeria S.A.

The UN institutional reform system

The subject of this study is the problems related to the structural reforms of the United Nations, the difficulties that may arise in connection with these reforms; on the one hand, in accordance with the logic of the Founding Act of the United Nations, and on the other hand, numerous considerations in relation to stakeholders involved in this reform.

Firstly, the author relies on the theory of neoliberalism, which defends the central role of international organizations in world politics, as well as in the management of international affairs, and secondly, the approach of the theory of realism helps to explore the consequences of a policy based on the preservation of interests, the competition of states in the struggle for power through international institutions in the international system.

This work is an integral part of historiographical analysis using national sci-

entific methods in working with sources and conducting research, which uses historiographical, chronological, problematic and descriptive-linear methods to study the dynamics of UN reforms.

The structural and functional method was used to study the internal structure and possibilities of reform of the United Nations. The historical and typological method allowed us to identify the structural reforms of the United Nations. An integrated and systematic approach has made it possible to identify the doctrines, strategies and policies of States within the United Nations in the interests of protecting their interests in the international arena.

The main findings of this study can be used in other studies on United Nations reforms at the global and regional levels, as well as in retrospective and/or current analyses of the United Nations role in resolving conflicts or other emerging disputes within the purview of the United Nations. The analytical methods and different sources used in the framework of this research have made it possible to highlight the problems related to the reform of the United Nations and have made it possible to identify relevant solutions, with regard to its organs, in particular those most in demand within the framework of this reform but also of its related institutions in order to allow an adaptation of the United Nations to modern aspirations and realities.

Key words: UN, General Assembly, Security Council, Secretary-General, UN Charter, reform, peace, security, development, human rights.

Lili Qi

**Cultural sovereignty and the ethnic cultural industry
of border areas in the context of sustainable
development – the case of Heilongjiang Province, China**

In the context of globalization, cultural sovereignty and sustainable development in border areas have become strategic issues that China and Russia face together. Heilongjiang Province in China and Siberia and the Far East in Russia belong to the Northeast Asian cultural circle and share numerous cross-border ethnic groups, facing similar challenges in the protection and development of ethnic culture. Taking Heilongjiang Province as an example, this paper systematically reviews its practical experience in promoting high-quality development of the ethnic cultural industry under the “cultural power” strategy. The research shows that through the sublation and transformation of cultural traditions, the innovation and demonstration of cultural charm, and the systematic building of cultural brands, Heilongjiang Province has successfully achieved the mod-

ern transformation of ethnic culture, making it an endogenous driving force for sustainable development in border areas. The core logic embodied in this experience - adhering to cultural subjectivity, developing in openness, and inheriting through innovation - has certain reference significance for deepening cultural exchanges and industrial cooperation in the border areas between China and Russia.

Key words: cultural sovereignty, Sustainable development, Border areas, Ethnic cultural industry, Heilongjiang Province.

Chen Bing

**The association of Korean cultural centers
of Uzbekistan in the bilateral relations between Uzbekistan
and the republic of Korea: history and prospects**

Based on an analysis of specific projects, initiatives, and educational programs from 1991 to 2026, this article defines the role of the Association of Korean Cultural Centers of Uzbekistan in the development of bilateral relations between the Republic of Uzbekistan and the Republic of Korea. The study relies on official data on the network of 23 regional branches of the Association, the chronology and budgets of joint initiatives with the Korea International Cooperation Agency (KOICA) and the Overseas Koreans Foundation (OKF). It examines in detail projects such as the construction of the “Korean Culture and Education Center”, the opening of HANCOM ACADEMY classes, the launch of the “Knowledge Sharing Program (KSP)”, and plans to create the “Korean Diaspora History Museum” (completion due in 2027). The study also introduces into academic circulation data on key figures – Viktor Pak (Chairman of the Association since 2012), Vera Pak (Hero of Uzbekistan), and Hwang Man Gim – whose activities demonstrate the high level of political integration of the Korean diaspora. It is concluded that the Association acts as a key operator of “public diplomacy,” systematically transforming cultural ties into economic and educational contracts.

Key words: Association of Korean Cultural Centers of Uzbekistan, KOICA, KSP, Hanbok, Korean Culture and Education Center, Korean Diaspora History Museum, Viktor Pak, bilateral relations.

Martins D.M.

**Brazil and Russia: a historical perspective on diplomatic relations
and the construction of strategic partnership**

Brazil and Russia: a historical aspect of diplomatic relations and the building of strategic partnerships during the long years of friendship.

The scientific work will show the history of diplomatic friendship between the countries Brazil and Russia that during this long time of relationship that involves issues such as politics, economy, culture and education.

The article aims to explain all the historical phases up to the present day with emphasis on the economic, energy pillars, especially in the geopolitical sector in the context of BRICS and CAN (Brazil and Russia High Level Commission).

It will be told how diplomatic relations Brazil and Russia is formed in an alliance based on an economic complementarity with common geopolitical interests in the multipolar order.

Key words: friendship, diplomatic relations, Brazil, Russia, BRICS, CAN, Rosatom, economics.

Авторы

Бирюков Н.Г. - кандидат филологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет». Профессор кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей, г. Ростов-на-Дону.

Бокерия С.А. - кандидат юридических наук, доцент. Российский Университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы.

Воронин В.А. - обучающийся 3 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Воронина Д.М. - обучающаяся 4 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Воронина Е.В. - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии детства. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Мартинс Д.М. - аспирантка 3 Курс. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород.

Михайлова Н.В. - доктор политических наук, профессор. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, кафедры публичной политики и истории государства и права.

Нетёсов А.С. - аспирант. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, кафедры публичной политики и истории государства и права.

Попов Д.Д. - аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Проскурякова А.Ю. - обучающаяся 5 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Рябова Л.О. - доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Сулейман Канте - аспирант второго курса. Российский Университет Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Власть истории и история власти».

Третьяков В.А. - обучающийся 1 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета.

Файзулина А.И. - ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». Старший преподаватель кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей, г. Ростов-на-Дону.

Ци Лили - преподаватель, Хэйхэский университет. Заместитель декана, Институт культурного туризма, г. Хэйхэ, Китай.

Чэнь Бин - аспирант кафедры «Публичной политики и истории государства и права». ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

Щупленков Н.О. - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», филиал в г. Ессентуки.

Щупленков О.В. - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», филиал в г. Ессентуки.

Authors

Biryukov N.G., Candidate of Philology, Associate Professor. Rostov State University of Economics, Professor of Department of Foreign Languages for Humanities, Rostov-on-Don.

Bokeria S.A., PhD in Law, Associate Professor. Peoples' Friendship University of Russia.

Chen Bing, Graduate student. Peoples' Friendship University of Russia, Department of Public Policy and History of State and Law.

Lili Qi, Lecturer, Heihe University. Vice Dean, Institute of Cultural Tourism, Heihe, China.

Martins D.M., 3rd Year Graduate Student. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod.

Mikhailova N.V., Doctor of Political Science, Professor. Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Department of Public Policy and History of State and Law.

Netesov A.S., Postgraduate Student. Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Department of Public Policy and History of State and Law.

Popov D.D., Postgraduate student. Saint Petersburg State University.

Proskuryakova A.Yu., Fifth-year student, Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University.

Ryabova L.O., Doctor of Political Science, Editor-in-Chief of the journal "Ethnosociety and Interethnic Culture".

Shchuplenkov N.O., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences, Stavropol State Pedagogical Institute, branch in Essentuki.

Shchuplenkov O.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences, Stavropol State Pedagogical Institute, branch in Essentuki.

Suleiman Kante, Second-year PhD student. Peoples' Friendship University of Russia.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "The Power of History and the History of Power".

Tretyakov V.A., First-year student, Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University.

Voronina D.M., Fourth-year student, Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershova (branch) of Tyumen State University.

Voronina E.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Childhood Pedagogy and Psychology. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University.

Voronin V.A., Third-year student, Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University.

**ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ**

ПО ТЕМЕ:

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА, ЦИФРОВАЯ
ЭКОНОМИКА И ЭТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения,
анализа и апробации журнал проводит конкурс
на лучшую статью (тезисы, размышления)
для совершенствования стратегического курса
межнациональных отношений, экономики регионов,
и конструктивного пути развития

Работы направлять по адресу:
etnosocium@mail.ru
Факс +7 (495) 772-19-99
Справки по тел. +7 (495) 772-19-99

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объемом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также приставный библиографический список.
3. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных
представителей Президента РФ
в федеральных округах;
- Государственная Дума;
Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные
службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 772-19-99,
факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог
ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи
через Объединенный каталог «Пресса России»
и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru
E-mail: etnosocium@mail.ru
Тел.: +7 (495) 772-19-99
Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин
Редактор Н.Э. Архипова
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60х90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 7,75